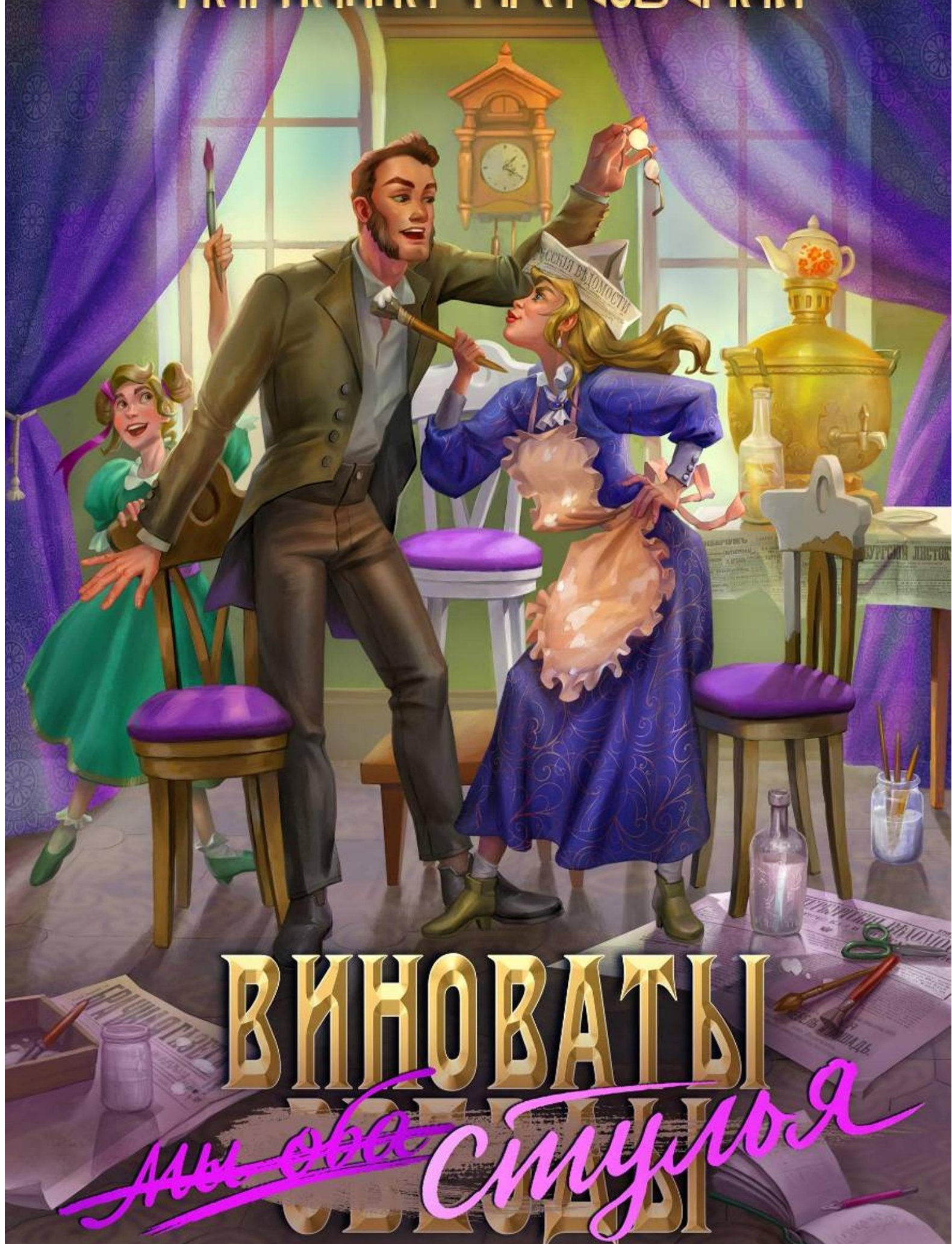


МАРИАННА КРАСОВСКАЯ



ВИНОВАТЫ

мы оба смущены

Марианна Красовская

Виноваты стулья

«Автор»

2026

Красовская М.

Виноваты стулья / М. Красовская — «Автор», 2026

Примерив старинное платье, запнувшись об винтажный стул и грохнувшись с деревянного крыльца, я внезапно очутилась в другом мире. Но я — все еще я. И дети рядом мои. А бывший муж, оказывается, здесь и мужем-то мне не был! В общем, странным образом я оказалась в теле своего двойника. Новое положение мне категорически не нравится: денег нет, дочку мою обижают, муж, который не муж, кажется, собирается выгнать меня из дома, да еще прежняя обительница тела где-то рядом. Что же, жизнь у нас похожая, а вот условия разные. И там, где местная Аннет сложила лапки, я намерена бороться за свои права!

Содержание

Глава 1, вступительная	5
Глава 2, ознакомительная	8
Глава 3, ошеломительная	13
Глава 4, проблематичная	17
Глава 5, семейная	20
Глава 6, провинциальная	24
Глава 7, мебельная	28
Глава 8, заводская	33
Глава 9, неприличная	36
Глава 10, не самая трезвая	39
Глава 11, гадская	43
Глава 12, успокоительная	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виноваты стулья

Глава 1, вступительная

Крошечный особняк понравился мне с первого взгляда. Деревянный, выкрашенный в жизнерадостный голубой цвет, с покатой серой крышей, большими светлыми окнами и высоким крыльцом с колоннами. В окнах мезонина — витражи, вокруг дома — ухоженные кусты роз. Сказка, а не дом.

— Сколько внутри комнат, Ольга Сергеевна? — спрашиваю я хозяйку, придирчиво осматривая новенькие деревянные рамы.

Как же все-таки аккуратно реставрировали эту усадьбу! Окна не пластиковые, деревянные, сделаны очень аккуратно. Со стороны дом выглядит вполне себе ретро, словно вынырнувший из девятнадцатого века.

— Три большие спальни, гостиная, кухня, две уборные, — с готовностью отзывается женщина. — Еще были три маленькие комнаты для прислуги, но две из них объединили в одну большую спальню, а в одной сделали дополнительный санузел. И еще мезонин, но я даже не знаю, что там было раньше. Мне представляется, что кабинет-библиотека, но теперь уже не понять. Был еще отдельный флигель, домик садовника, конюшня и несколько сараев, но ничего из этого не сохранилось. Так что у нас — только большой дом. Снаружи все отреставрировали, а вот внутри... Ну, сами увидите, Анна Васильевна.

Я кивнула.

— Пройдем внутрь?

— Да, конечно. Ваня, ключи?

Ваня, а точнее, Иван Михайлович, о чем-то тихо и взволнованно беседовавший по телефону и не обращавший на нас никакого внимания, коротко кивнул и вынул из кармана черного драпового пальто связку массивных медных ключей на большом кольце.

Как... аутентично!

Мы поднялись на деревянное крыльцо с белыми резными перилами. Дверь была чудо как хороша: резная, с витражной вставкой и тяжелой ручкой, сияющей медным блеском. Ольга Сергеевна выбрала ключ из связки и толкнула дверь. Щелкнула выключателем на дощатой стене и посторонилась, безмолвно предлагая мне пройти первой. Вспыхнувший свет безжалостно озарил печальную картину. Пол все же новый, а вот стены... Остатки шелковых обоев, плесень, гнилые перегородки. Я прошла в глубь дома, шурясь.

— Санузел рабочий, если нужно, — не смущаясь, сообщила хозяйка. — И в кухне есть вода. Насос электрический, газ подведен, смонтированы теплые полы. А стены я сказала не трогать, тут все же кое-где остались обои. Подумала, что вам будет интересно.

— Да, конечно, — рассеянно отозвалась я. — Ого, печи сохранились? Шикарно!

— Да, я как этот дом увидела, сразу влюбилась. А потолки, взгляните на потолки!

Я послушно задрала голову. Действительно, на почерневшем от времени потолке еще осталась лепнина. И цепь от люстры.

— Лестницу новую поставили, была совсем прогнившая. Я специально ездила, фотографировала похожие усадьбы, — с воодушевлением сообщила Ольга Сергеевна. — Ну, что скажете, Анечка?

Я прикусила губу. Офигенно! У меня просто нет других слов! О-фи-ген-но! Неужели мне доверят реставрировать это чудо? Но я никогда не бралась за подобное! Откровенно говоря, я весьма начинающий дизайнер.

— Смотря что вы хотите получить на выходе, — осторожно ответила я, скрывая восторг за сухостью тона. — Какой стиль? Современные интерьеры или, быть может, под старину?

— Я хочу, чтобы тут все было как в девятнадцатом веке! — гордо заявила Ольга Сергеевна, и я едва не завизжала от радости.

Неприлично, в общем-то, сорокалетней тетке визжать и прыгать.

— Я никогда такого не делала. Справлюсь ли?

— Глупости. Я видела вашу мебель. Вы удивительно внимательны к деталям и отлично чувствуете стиль.

— Так то мебель...

— Понимаете, Анечка, мне не нужен музей. Я прекрасно понимаю, что можно обставить дом антиквариатом и даже найти старинные обои. Нет, я хочу, чтобы тут был дух старины... но при этом все современные удобства.

— Пожалуй, это проще, чем абсолютная реставрация, — согласилась я.

— Так вы беретесь?

— Думаю, да.

Я отчаянно трусила, конечно, но упускать такой шанс не собиралась. Это лучшее, что я могу сделать!

— Тогда вот вам ключи, договор пришлете на почту. И вы обещали хорошую скидку за интересный проект. Мне ведь удалось вас заинтересовать?

— Погодите, как ключи? — заволновалась я. — Сначала нужно обсудить финансовые вопросы. И согласовать сроки! И решить, что по материалам!

— А скидка? — на круглом лице Ольги Сергеевны расцвела довольная улыбка.

— Пятьдесят процентов! — Пожалуй, не стоит говорить о том, что я с радостью взялась бы за этот дом бесплатно. В конце концов, я могла заработать на этом проекте отличную репутацию! А какие будут фоточки! Да мой блог взлетит до небес! Тут контента на полгода, не меньше. Подписчики будут визжать от восторга.

— Очень хорошо! Остальное я знаю. Я на вас давно подписана. Материалы будем согласовывать по мере выполнения работ. Бригада у нас своя, проверенная.

— А мебель? — я все еще не могла поверить, что все случилось так быстро и просто.

— Ищите сами. Я вам точно в этом не помощник. Что можете — реставрируйте сами. Стулья так точно все ваши. А если что-то прямо сложное, вроде посудного шкафа, думаю, отдадим профессионалу. Тут, кстати, есть буфет. И еще что-то из мебели сохранилось.

— Ольга Сергеевна, но так нельзя! — не выдержала я. — Это очень дорогой дом. И ремонт выйдет безумно дорогим. А я все же... ну, никогда такого не делала. Я больше по квартирам...

— Да бросьте приbedняться, — отмахнулась от меня хозяйка. — Я видела все ваши проекты. Представьте себе, не было ни одного, который мне бы не понравился! Я везде хотела бы жить. Вы удивительно талантливы, Анечка. Все у вас получится.

В последнем я, кстати, не сомневалась. То есть я, безусловно, талантлива.

И у меня все получится.

— Имейте в виду, я вас контролировать не собираюсь. У меня нет на это ни времени, ни энергии. Машину я не вожу, а Ваня — очень занятой человек. Ему некогда возить меня туда-сюда. И без того он всю дорогу меня ругал...

В этом я почему-то не сомневалась. Иван Михайлович живо напомнил мне моего бывшего мужа Илью. Тот тоже всегда нервничал, когда я просила его в чем-то помочь... Собственно, потому мы и развелись. У него своя жизнь, у меня своя. Мы стали совершенно чужими людьми.

Да мы и были такими изначально, просто старательно притворялись...

— Ну я поехала. Вы ведь дорогу запомнили?

— По навигатору выберусь, — рассеянно ответила я, разглядывая покосившиеся двери. Так, где тут эта лестница? И как выглядит кухня? И да, на санузел тоже стоит взглянуть.

— Тогда жду договор на почту. С ключами сами разберетесь, я думаю.

И она ушла, оставив меня в этом чудесном доме одну-одинешеньку. Когда шум мотора стих, я все же тихонько взвизгнула. Ура! И подпрыгнула. Сфотографировала двери, кусок обоев и потолок, отправила Кристине. Ответ пришел почти сразу же.

— Это тот потрясающий проект, про который ты говорила?

— Даааааа!

— И ты будешь его делать?

— Даааааа!!!!

— И тебе дадут за это много денег?

— Дададада!

— Поздравляю, мам, ты справишься.

Я улыбнулась. Дочь всегда и во всем меня поддерживает. Это так здорово! Мы с ней так похожи характером! Лучшее, что есть в моей жизни.

— Крис, а хочешь посмотреть своими глазами?

— А можно?

— Конечно. Мне ключи оставили.

Печатаю сообщение в мессенджер, я толкнула одну из дверей и оказалась, кажется, в спальне. И тут был стул! Почерневший, провалившийся, но на вид вполне целый. Ноги на месте, спинка тоже.

— Стул, Криска, тут есть стул!

— Да ладно? Сфоткай!

Я хихикнула и вытащила из кармана куртки одноразовые перчатки. О мой драгоценный, сейчас мамочка тебя осмотрит со всех сторон! Пощупает все твои выпуклости, погладит вогнутости и даже поковыряется в обивке. О моей любви к ретро-стульям знала вся родня. Я искала стулья на помойках, покупала с рук, даже гонялась за редкими экземплярами в близлежащие города. Да что уж там, родная дочь переименовала меня в телефоне в Остапа Бендера! Собственно, со стульев все и началось.

Глава 2, ознакомительная

Первый стул с помойки я притащила, еще когда работала на заводе. Илья, мой муж, даже не обратил на это внимания, а зря. Стул был самый обычный, такие в советское время массово выпускали все мебельные фабрики. Этот экземпляр отличался разве что жутким уродством. Он был покрыт жирным слоем белой краски. И сиденье проломлено. И пара болтов утеряна. Зато все части на месте. А что до краски — так я купила смывку и шпатель и за пару дней очистила беднягу до деревянного основания. Не так уж это оказалось и сложно, тем более, что форму стул имел совершенно незамысловатую, и даже ножки были не круглые, а квадратного сечения. Выпросив у мужа шлифмашинку, я зашкурила поверхность и покрасила стул в ярко-синий цвет. В сочетании с новой желто-серой обивкой сиденья, получилось, если честно, довольно попугаисто. Ничего, я все равно собиралась поставить его в свою мастерскую. По приколу, понимаете ли.

Но этот стул у меня не задержался. Подружка, увидев его, выпросила себе. Ей он идеально вписался в интерьер новой квартиры. Она любила все яркое и пестрое.

Муж, узнав, что я подарила стул, назвал меня идиоткой. Дескать, потратила время, деньги, шкурку, в конце концов, запылила крыльцо... и ради чего? Нет, слово “хобби” было Илье совершенно незнакомо. Он вообще не понимал моих бессмысленных увлечений. Они ведь не приносили прибыли!

И это была одна из самых раздражающих черт Ильи. Он все на свете измерял деньгами. В том числе и меня, я полагаю. Ведь и у меня были определенные функции. Я готовила, прибиралась, стирала. Я родила ему двоих детей, в конце концов. Я заботилась о нем, когда он болел. Если бы я еще не выносила ему мозг, а еще лучше, была бы глухонемой, наверное, цены бы мне не было.

Но я была вполне себе разговорчивая. И постоянно увлекалась всякими “ненужными” хобби. Рисовала, лепила из глины, шила блокноты, валяла из шерсти. Когда дочери пошли в сад, научилась делать всякие бантики и заколочки. В доме, который Илья построил для нашей семьи, у меня была собственная мастерская, доверху забитая самыми разными материалами, от кожзама до пуговиц, от синтепона до кукольных локонов.

Илья снисходительно закрывал на это глаза. Он, в принципе, вообще не замечал моих увлечений — до тех пор, пока они не начинали ему мешать. Сам он был трудоголиком, постоянно пропадал на работе, да еще преподавал вечерами в местном университете. Спору нет, зарабатывал он очень хорошо, в деньгах мы давно не нуждались. Я даже могла позволить себе работать неполный день — ровно с тех пор, как родилась вторая дочка. Совсем бросать работу я не хотела, потому что мои хобби и в самом деле не приносили никакой прибыли, а вот денег пожирала изрядно.

Стулья, однако, оказались куда заметнее, чем куклы и бантики. Илья постоянно натаскился на них на крыльце и злился. Я же кайфовала от нового увлечения и не обращала внимания на гневное шипение мужа.

Тем более что он затеял ремонт в нашей старой квартире — собрался ее сдавать. И вот тут-то и пригодились мои стулья! Я собрала их все и отвезла в квартиру. И обои еще выбрала. И шторы. И диван — чтобы все сочеталось со стульями. А потом еще перекрасила старые шкафы и кухонный гарнитур. Интерьер получился в результате настолько гармоничным, что квартиру сняли мгновенно.

— Молодец, Аня, — сказал мне Илья. — А маме моей ремонт можешь организовать? У тебя хорошо получилось.

Конечно, я могла. К тому времени я уже научилась пользоваться простыми программами по расстановке мебели, разобралась в видах декоративной штукатурки и отличала обрезной керамогранит от необрезного. И, кстати, у свекрови были стулья. Шесть штук.

Когда подруга свекрови попросила меня взглянуть на ее квартиру, я робко проблеяла, что сделаю ей дизайн-проект за символическую сумму. Ведь я все же трачу на это немало времени. Кроме того, мне ужасно хотелось купить обучающий курс. И та согласилась!

Мне тогда было уже тридцать пять лет, и я вдруг осознала, чем хочу заниматься, когда вырасту.

Неожиданно мой блог, куда я вываливала свои стулья, тумбочки и комоды, притащенные с помойки или купленные по дешевке на Авито, стал разбавляться фотографиями интерьеров. Стулья продавались. Дизайн-проекты заказывались. С молчаливого согласия мужа я ушла с завода и с упоением погрузилась в новую деятельность. Ему вначале даже нравилось: я всегда теперь была дома, успевала готовить и присматривать за детьми. Мы даже завели собаку, о которой он мечтал с детства. Гуляла с ней, разумеется, я и иногда наша старшая дочь Кристина.

А потом вдруг все пошло кувырком. Я хотела гулять — а муж был на работе. Я хотела в отпуск — а у него стартовал важный проект. Заболела младшая дочь — а он уехал в командировку со словами: “Ну ты же все равно дома сидишь”. В один далеко не прекрасный день он загорелся новой идеей: купить квартиру в Москве. Для Кристины, разумеется, ей ведь рано или поздно нужно будет поступать в институт. А ездить из Подмосковья долго и неудобно. И чтобы быстрее заработать, Илья уехал на стажировку на три месяца.

И как-то вдруг оказалось, что без него всем легче. Никто не ворчит и не разбрасывает носки. Не нужно гладить рубашки и покупать на рынке свежее мясо. Не нужно готовить супы, жаркое, гуляши и непременно два раза в неделю рыбу — мы с дочками вполне обходились салатиками и доставками. Грязной посуды стало в разы меньше, атмосфера в доме спокойнее. Никто не ходил вечерами на цыпочках, ведь папа устал, он много работает. При этом денег мне вдруг стало вполне хватать и на продукты, и на одежду, и на всякие глупости вроде нового шуруповерта, удобной шлифмашинки и компактного набора отверток.

Уверена, что Илья тоже прекрасно отдохнул и от детских криков и драк, и от моих истерик, и от вечного бардака в доме. Не изменял, в этом я тоже уверена — не такой он человек. Да и не так уж он любил секс, как уверяют все мужчины. Его научные проекты всегда были важнее и интереснее.

Словом, это было начало конца.

Дохлую лошадь мы пинали еще года три. Никто не хотел брать на себя ответственность за разрушение ячейки общества. Да и детей жалели. Старшая уже все понимала и была строго на моей стороне, а младшая отца обожала и не хотела его отпускать.

Развелись мы полгода назад, спокойно, мирно, без глупой дележки имущества. Мне остались две квартиры, ему — двухэтажный дом и собака. Сложнее всего было поделить Стаську, младшую. Мы оба желали забрать ее себе. Но дочь решила все сама, заявив, что жить будет с мамой — потому что мама почти всегда дома. А к папе будет приезжать, когда захочет. Так, в общем-то, и вышло. Сейчас она жила с отцом — а я ушла с головой в любимую работу.

В усадьбу я вернулась уже через два дня: одолжила у Ильи его вместительный кроссовер с огромным багажником и запаслась инструментами. Вся мебель, пригодная к реставрации, должна поместиться. Особенно если разобрать ее по досочкам. На переднем пассажирском болтала без умолку Кристина.

— Мама, ты не представляешь, что было на графике! Васька Смирнов, ну тот, рыжий, я тебе показывала фотки, нарисовал офигенный закат. Мама, ну как можно нарисовать закат простым карандашом, ты скажи?

Дочь ушла после девятого класса в художественный колледж и теперь с упоением делилась со мной своими успехами. И не только успехами.

— Мама, мне нужны новые джинсы. И берцы. И я в дубленке рукав порвала, зашьешь?

— Криска, какая дубленка, на дворе еще октябрь!

— Мам, ну я еще весной порвала, просто забыла тебе сказать. Ух ты, это оно? Не выглядит заброшкой. Я по фоткам думала, что тут полный кринж.

— Снаружи все отлично, — бросила я, паркуя автомобиль и натягивая неизменные перчатки. — Внутри все грустно. Но это пока.

— Угу.

Кристина выскочила из машины и побежала по усыпанной желтыми листьями дорожке к дому. Взлетела на крыльцо легко, как птичка. Я невольно ей позавидовала. У меня уже колени хрустели и давление скакало. Не птичка я, ой не птичка. Или птичка, но не та. Дрофа, например. Или козодой.

Дверь открылась без скрипа. Нашупав выключатель, я зажгла свет и сразу направилась за стулом. Нечего мне тут... Стулья — моя любовь навеки. Интересно, он тут совсем один? Может, и братья его найдутся? Допустим, на втором этаже, ах, простите, в мезонине! Да я не все комнаты еще осмотрела!

— Криска, не зевай, а фоткай, — крикнула я дочери, толкая тяжелые створки дверей. — Я тебя зачем с собой взяла?

— Для моральной поддержки! — радостно ответила дочь. — И чтобы призраков не бояться!

— Тут нет призраков.

— Ну тогда крыс.

— Ерунда, я привита от бешенства.

Это я с нашим корги Тарканом от какой-то шавки отбивалась. Она меня цапнуть успела. Скорее всего, шавка была вполне себе домашней, просто очень наглой, но рисковать я не стала.

— Скучная ты.

— Кто бы говорил. Кстати, можешь снять видосик, потом выложишь в канале.

Кристинка вела мои соцсети — сама я уже не успевала. Вполне успешно вела, нужно признать. У нее отлично получалось “пилить годный контент”.

Насчет крыс я ничего сказать не могла, в вот жучок тут поработал на славу. Ножки того самого стула были основательно поедены. Грустно, но не смертельно. Просто в дереве оставить не получится, будем красить. Тем более он изначально был бело-золотым, а вовсе не в естественном цвете.

— Мам, тут буфет! — раздался откуда-то крик дочери. — Офигенный такой, здоровый! Мы его тоже потащим? Тут грузовик, наверное, нужен!

— Сейчас погляжу, — я смахнула со стула пыль и потащила его в машину. Обмотаю его пленкой, чтобы Илья не орал. И без того он не слишком-то охотно одолжил мне свою любимую старенькую Ниву, которая все равно стояла под навесом без дела. Он на ней почти не ездил, предпочитая удобнейшую Тойоту Камри. Предлагал даже меня отвезти, но фигушки, я планировала еще заднее сиденье сложить, если что-то крупное найдется.

— Мам, тут сундук! — в голосе дочери звучал чистый восторг. — Мам, сундук с сокровищами, честно!

Против сундука я устоять не смогла. Бросила стул на крыльце и помчалась обратно в дом. Надо же, и вправду настоящий сундук. На вид древний, как экскременты мамонта.

— Не заперт? Что внутри?

— Шмотки старинные. Офигеть, да?

— Нет, — вздохнула с сожалением я. — Ну какие же они старинные? Это реконструкция. Посмотри, ткань какая свежая. Даже пыли нет почти. Она тут лежит не больше года.

— Да откуда тут свежие шмотки? — возмутилась Кристина.

— Фильм, может, какой снимали? Или вечеринку стилизованную проводили? Не знаю, спрошу у Ольги Сергеевны. Миленькое платьице, в общем-то.

Кристина вытащила из сундука длинное белое платье в мелкий розовый цветочек. Корсаж, кружево на рукавах, шнуровка, жемчужные пуговицы. Не мой стиль, конечно, я предпочитаю джинсы или спортивные. Хотя пара летних платьев у меня есть.

— Мне кажется, оно тебе идеально подойдет, — заявила Кристина.

— Дура что ли? — удивилась я. — Я в него никогда не влезу.

— Ну ты прилично похудела в последнее время. Давай, померяй!

— Чужое платье, найденное в сундуке чужого дома? — скептически хмыкнула я. — Ни за что!

— А ты представь, какой контент выйдет! — продолжала искушать меня дочь. — Я тебя на крыльце сфоткаю. И возле буфета. И даже со стулом.

— Фу, Криска, оно же бэушное. Я брезгую.

— В магазинах вещи мерить ты не брезгуешь, — хитро прищурилась дочь. — А их до тебя, может, бомжи руками трогали! И всякие потные тетki надевали! Ну ма-а-ам, ну давай попробуй!

— Да не влезу я в него!

— Спорим, что влезешь?

Платье... старинное... ну или реконструкция, но все равно очень клевое. Пуговицы эти заманчиво блестят. Всегда мечтала примерить что-то подобное. Но не с моей фигурой, конечно. Я слишком толстая для такого платья. Год назад я весила больше восьмидесяти килограммов. Теперь поменьше, но все же...

Разве нормальному человеку вообще может прийти в голову раздеваться в заброшенном доме, где даже куртку некуда положить? В конце сентября, между прочим! Рискую простудиться! Ведь можно было просто забрать платье домой и там уже примерить. Но разве я нормальная? Нормальные женщины варят борщи и работают на приличных работах, а не таскают мебель с помойки. У нормальных женщин чисто в доме, у них приличный маникюр, воспитанные дети, послушный муж. У меня же провал по всем фронтам — что может изменить какое-то там платье?

Криска оказалась права. Я влезла. С трудом, но влезла. Дочь даже застегнула крючки на спине, правда, мне пришлось изо всех сил втянуть живот. Грудь немилосердно сдавило тесным лифом. Талию (которой у меня давно не было) сжало так, что я с трудом дышала. Пришлось выпрямить спину и расправить плечи. Стало чуточку легче.

— О-фи-геть! — прошептала Кристина с восторгом. — Мама, это имба!

— Чего?

— Круто! Ты прямо боярыня! Дворянка! Эта... герцогиня, во!

— А ну сфоткай!

Зеркала тут, конечно, не было, но ведь мы живем в технологическом веке. У каждого в кармане смартфон. У некоторых — даже с отличной камерой. Папа подарил.

Фотки меня, впрочем, не порадовали. Я жирная. И на голове черти-что. И очки кривые. И лицо перекошило.

— Нафиг, снимаю, — расстроилась я, пытаюсь достать до крючков на спине.

— Ну нет, сначала фото на крыльце! — безжалостно заявила дочь.

— Не-е-е, — запротестовала я. — Давай потом! Я накрашусь, волосы уложу...

— И потом, — покладисто согласилась Кристина. — И сейчас. Я не поняла, тебе нужны фотки для канала или нет?

— Нужны, — сдалась я. — Тем более что стулья почти закончились.

— Тогда вперед на крыльцо!

Я бодро подхватила юбки, радуясь, что под ними джинсы и кроссовки, и помчалась к выходу. Вот только про стул на крыльце совершенно забыла. А он про меня не забыл. Коварный, выжидал момент, чтобы отомстить за свой позор! Совершенно напрасно я ругала его вслух. Хороший ведь стул, старинный, увесистый, ну подумаешь, пыль, жучок, обивка гнилая. Все это поправимо.

В общем, на крыльце места хватило только одному, и это оказалась не я. Споткнувшись о злосчастный стул, я потеряла равновесие. Я ведь уже жаловалась на колени, да? Вот в коленке вдруг что-то хрустнуло, нога подломилась, и я полетела с крыльца вниз, попутно приложившись головой о деревянные перила.

И стало темно. Последнее, что я услышала:

— Ма-а-ам!

Глава 3, ошеломительная

— Мама, мамочка!

— Матушка!

— Ма-а-а-ма-а-а! — Оглушительный рев.

— Ксана, что делать-то? — взволнованное.

— Нюхательная соль! — решительное, даже воинственное.

О нет, знаю я ваши нюхательные соли! Нашатырь стопудово подсунут. Как в травмопункте, когда яуползла в обморок после первой же вакцины от бешенства.

Пришлось открывать глаза. Голова болела. Глаза слезились от яркого света. Ослепительно белый высокий потолок с вычурной лепниной вызывал смешанные чувства. Вроде и гадость, и дорого-богато, и вполне красиво выглядит.

Это где же такие потолки? И почему Кристина так нелепо одета? Платье какое-то серенькое с отложным воротником, золотые сережки с жемчугом, волосы гладко зачесаны назад, ни грамма косметики. Чтобы моя дочь — и в платье? Это что, косплей?

Нет, что мелкая в розовых рюшах и с бантом, я нисколько не удивлена. Она любит девчковые наряды. Они отлично маскируют ее коварную суть. В карманах розовых платяшек Стаська обычно прячет камни, рогатки и слаймы.

Стоп! А Стаська же должна быть с отцом. Откуда она здесь взялась?

— Говорила я вам, Анна Васильевна, что диеты до добра не доведут, — бурчал кто-то у меня над ухом. — Дожили, уже со стульев падаете! Вот приедет Илья Александрович, что я ему скажу?

Голос был мне знаком. Оксана? Оксана Дементьева, моя... хм... помощница по хозяйству. Старая знакомая, которая приходит ко мне мыть полы по пятницам и поболтать в любое другое время. Какого черта она меня называет по имени-отчеству?

Я с трудом села и с ненавистью уставилась на тот самый стул. Ах ты ж дрянь какая!

Стул смотрел на меня. Вот натурально смотрел. Белый, с позолоченной резьбой на спинке, с шикарным шелковым павлином на обивке. Павлин издевательски мне подмигивал. Так вот какая тут была ткань... Ничего себе, барокко! Или эклектика? В любом случае я ни за что не расскажу об этом Ольге Сергеевне. Нет, стулья не должны смотреть на своих хозяев!

Ой.

Кристина и Оксана подхватили меня с двух сторон и довели до дивана, на котором я распласталась совершенно без сил. Диван? М-м-м, портьеры! Портьеры мне нравятся. Глубокий синий цвет, благородная фактура бархата. Никаких рюшечек и кисточек, строго и стильно, все, как я люблю. И люстра хрустальная под высоким потолком, хоть и сильно винтажная, глаз не резала. Кстати, она не столько винтаж, сколько антиквариат. На мой взгляд, винтаж — это то, что было в моде при твоей бабушке. А антиквариат — это уже времена бабушкиной бабушки. Впрочем, искусствоведы могут со мной не согласиться. Я и не претендую на истину.

— Мамочка, как ты себя чувствуешь?

Воздушно-розовая, похожая на зефирку Станислава прижалась к моему боку. Я привычно обняла ее за плечи и поцеловала в лоб.

— Уже лучше, — соврала беспечно.

Лучше, конечно, не было. Кружилась голова, перед глазами плясали звездочки. Неужели сотрясение мозга? Да нет, чему там сотрясаться. Нет у меня мозгов.

«Мозги есть у всех», — недовольно произнес голос в голове. Знакомый голос. Низкий, с хрипотцой. Нет, мое внутреннее “я” обычно звучало как-то иначе!

— Анна Васильевна, а может, вы приляжете?

— Мамочка, сделать тебе чаю?

Можно. Прилягу. И чаю. Без сахара, с чем-нибудь сладким. Спасибо.

Уже в другой комнате, лежа в слишком мягкой постели и разглядывая обои в стиле «арт-нуво», я пыталась сообразить, где я все-таки нахожусь. На мне надето то самое платье в цветочек. Дочки обе мои, тут без вариантов. Оксана, опять же. И Илья Александрович, мой бывший супруг, по-видимому, где-то рядом.

Но...

«Илья — не супруг, — отчетливо раздалось в голове. — Он даже после смерти жены не удосужился узаконить наши отношения. Илья — подлец и мерзавец».

О как!

Оглядевшись, я обнаружила в углу большое зеркало на золоченых ножках. Поднялась с постели, уставилась на свое отражение. Блин. Это не я. Или я. Но неправильная, не такая, как в жизни.

Во-первых, я моложе, чем была... неопределенное время назад. И это странно. Вот если бы я стала старше, это понятно. Но время повернуть вспять никому не дано. Сколько мне лет на вид? Тридцать пять? Тридцать шесть?

«Тридцать пять», — услужливо подсказал внутренний голос.

Ладно. Это в принципе неплохо. Намного лучше, чем сорок один.

Во-вторых, я была стройнее. Да у меня пять лет назад не было такой шикарной фигуры!

«Слишком большая грудь, — мелькнуло в голове. — И волосы ужасные. И рост мог бы быть пониже!»

Про волосы — согласна. У меня они всегда были неважные. Хорошо, что дети пошли в отцовскую родню. А вот остальное... это не мои мысли!

— Кто здесь? — неуверенно спросила я вслух.

На всякий случай показала зеркалу язык и скорчила рожицу, убеждаясь, что отражение старательно повторяет за мной все гримасы.

— Вот-вот, меня тоже интересует, кто здесь, — ядовито ответил голос в моей голове.

И тут я его узнала — во многом благодаря язвительной интонации. Да это ж мой собственный голос! Я... мы... нас что, двое?

— Похоже, я свихнулась, — согласился со мной голос. — Видимо, здорово приложила головой. Но я об этом никому не скажу, потому что не хочу в психиатрическую лечебницу.

— Точно. В дурку нам не нужно, — кивнула я, с удовольствием разглядывая тонкие пальцы с аккуратными ногтями.

— Матушка, я принесла чай. Зачем вы встали, лежите!

Кристинка в этом дурацком платье выглядела довольно глупо. Все-таки прежний стиль ей шел куда больше. А вот за длинные волосы я порадовалась. Мне вовсе не нравилось, что она постоянно обстригала свои шикарные кудри, экспериментируя с прическами. Но, в отличие от Ильи, я никогда дочь не ругала. Прекрасно помнила свои шестнадцать лет — когда еще красить волосы в дикие цвета и носить фиолетовые лосины, как не в юности?

— Не могу лежать, голова кружится, — мрачно ответила я, выглядывая в окно и с ужасом убеждаясь: мы в лесу. Мы в чертовом лесу!

“Это парк, чертов парк”, — вьедливо поправила меня... она. Которая я.

Легче почему-то не стало.

— Я поставлю чай на столик, — тихо сказала Кристина. Что-то в ее голосе мне не понравилось.

Нет, я прекрасно понимаю, что это уже не совсем моя дочь, но все же я знаю ее как облупленную!

— Крис, что случилось?

— Ничего.

Глазки в пол, руки нервно теребят манжеты. Ну ясно, какая-то трагедь у нее. И дочь отчаянно хочет мне про нее рассказать. Где она могла накосячить?

— Выкладывай быстро. Обещаю, что не буду ругаться.

— Матушка, я не хочу замуж! — Кристина подняла на меня изумительной красоты голубые глазищи (это в меня). Взмахнула длинными ресницами (папиными). Попыталась выдавить слезу. Не вышло.

— Не хочешь — не выходи, — покладисто согласилась я.

Какое замуж, ей же шестнадцать всего! Она не созрела даже для отношений с мальчиками, тем более для замужества!

— А так можно, да? — изумленно выдохнула дочь.

“Нет, нельзя!” — рявкнул голос в моей голове, но я отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

— Можно. Обещаю, что замуж тебя насильно никто не выдаст.

— И вы поговорите с отцом?

— Конечно, поговорю.

— Матушка, вы самая лучшая в мире! — маленький серый вихрь налетел на меня, расцеловал и мгновенно улетучился из спальни. Я мрачно поглядела на лес (ах, простите, парк) за окном и вернулась в постель.

— Да ты с ума сошла! — взвизгнул голос. Противный какой стал, а. Неужели я вот так же разговариваю? Неудивительно, что Илья с ней не живет. Я бы тоже сбежала, если бы могла. — Это же такая партия! Граф Швабрин просил руки Кристины для своего сына.

— Фу.

— Ну да. Вообще-то фу. Терпеть не могу этого клоуна, — вдруг согласилась моя собеседница. — Но он богат и прогрессивен. Не стал бы запрещать Криске ее дурачества.

— Ей ведь шестнадцать?

— Ну да.

— Во сколько же ты ее родила?

— В девятнадцать.

— От кого?

— Ах!

— Ладно, не ори, сама вижу, что она — копия Ильи.

Моя старшая дочь уродилась в папочку. Тот же нос, тот же упрямый подбородок, те же длиннющие ресницы, тот же овал лица. Аккуратные уши, густые русые кудри. Мои разве что глаза и брови. И фигура, конечно. Никто, даже самый злостный сплетник, увидев рядом Кристину и Илью, не усомнится в их родстве.

— Так, слушай сюда, — сказала я своей возмущенной собеседнице. — Я буду звать тебя Нюрой.

— Козу свою Нюрой будешь звать, — огрызнулась она очень знакомо. — Я — Аннет.

— Ну ок. А я просто Анна.

— Договорились.

“Мне ваше имя — небесная манна, — фальшиво пропела я. — Вашим величеством пусть вас зовет другой! Ах разрешите звать вас просто “Анна”! Быть вашим, только вашим телом и душой”

Да, мне всегда нравилось мое имя.

— Прекрасная песня, — похвалила мои вокальные потуги Аннет. — А теперь давай выкладывай, кто ты вообще такая. Что ты — это я, только немного другая, я уже поняла. И что ты как-то завладела моим телом, оставив меня в стороне, тоже ясно. А вот почему ты разговариваешь, как портовый грузчик, мне пока не ясно.

— А больше тебя ничего не смущает? — усмехнулась я.

— В принципе, не особо. А тебя?

Я замолчала. Если она — это я, то все с ней понятно. Такая же чокнутая. Я с детства выдумывала сотни разных миров, в которых была и принцессой, и могучей колдуньей, и роботом, и эльфийской воительницей, и даже кошкой. Фантазии с реальностью не путала, конечно, но зачастую уходить в вымышленный мир было куда легче и приятнее, чем жить свою настоящую жизнь. Ссорясь с Ильей, я пряталась в эльфийских горах (и, конечно, утешал меня там очень даже привлекательный лучник). Лежа в больнице с воспалением легких, я придумывала, что после смерти попадаю в мир орков, где возрождаюсь могучей зеленой бабой с вот такими мускулами. Нос картошкой и клыки? Да и черт с ними, главное — здоровая и любому накостылять могу.

И вообще я постоянно влюблялась в героев книг, актеров и просто лично выдуманных персонажей.

К слову, на реальной жизни это если и отражалось, то скорее положительно. Я никогда не смотрела на мужчин вокруг — в этом не было смысла. Ни один из них не мог даже сравниться с фантазией. Зато я быстро успокаивалась, прощала своего вспыльчивого мужа и с новыми силами шла на завод и вставала к плите.

В общем, ситуация со мной произошла, конечно, странная и невероятная, но я к ней оказалась вполне готова. Попаданка? Прекрасно. Собственное тело, только моложе и стройнее? Лучше и придумать нельзя. Дети рядом? Вау, супер. А уж Аннет, которая меня подстрахует от всяких глупостей — и вовсе чудесно.

Одна проблемка — это все может вообще быть бредом. Я просто долбанулась головой и валяюсь где-то под крыльцом усадьбы Ольги Сергеевны. Жаль, что рано или поздно меня откачают. Но пока — гуляем!

Глава 4, проблематичная

— Итак, давай с самого начала. Мы вообще где? В какой стране?

— Московья. Московская империя.

— О как. У нас поди еще и царь имеется?

— Император Константин. А до этого правил его дядюшка, Александр IV.

Я задумалась. Мои не самые обширные знания истории утверждали, что Александры в России закончились на цифре 3.

— А год сейчас какой?

— 7533.

— Охренеть, — вырвалось у меня. — Так, стоп, от рождества Христова?

— От сотворения мира.

— А чего не от Великого Потопа тогда?

— Если тебе очень интересно, сходи к священнику и спроси, — не осталась в долгу Аннет. Да, я бы ответила точно так же.

Вообще меня никогда не интересовали вопросы религии. Мне и в голову не приходило задумываться, почему у нас в стране такое летоисчисление.

Что ж, поскольку интернета под рукой у меня не было и сопоставить даты я не могла, пришлось принять как аксиому: этот мир очень похож на наш. Но все же другой. И история тут другая.

— Слушай, а революция тут была? А восстание декабристов? А первая мировая война?

— Восстание было, а революция не получилась. Император Константин взял бразды правления в свои руки.

— Э-э-э — Про императора Константина я ничего не знала. Ну и ладно, все равно это никаким боком меня не касается.

— Тебе так важно, в каком году было восстание декабристов? — вкрадчиво мурлыкнула Аннет. — Или, может, когда отменили крепостное право? Как будто это как-то изменит нынешнюю ситуацию! Между прочим, у меня то есть у тебя то есть у нас есть проблемы поважнее!

— Например?

— Илья Александрович меня бросил!

— Сам? — не поверила я. — Илюха? Да как ему в голову такая глупость пришла?

— Он нашел мои переписки. С Женни, с Аделиной — грустно призналась Аннет. — И прочитал много лишнего.

— Ты дура? — изумилась я. — Ты хранила подобные письма?

— Как будто ты умнее!

Я заткнулась. Нет, совершенно не умнее. Просто в мое время бумажные письма уже были неактуальны. А на ноутбуке у меня пароль стоял, чтобы девчонки его не трогали. Если б Илья прочитал мою болтовню с подругами, где мы весело обсуждали актеров, эльфов, орков и корейских айдолов, уверена, развод случился бы раньше. Мой супруг терпеть не мог конкурентов. Даже воображаемых.

Все это я коротенько рассказала своей второй «я», напоследок добавив, что все-таки мы с ней одинаковые.

— Слушай, получается, что Илья Александрович в твоём мире все же взял тебя в жены? — обиженно спросила меня местная Анна. — И дети у вас законные?

— Ну да. Ты лучше ответь, как Илья с его дурацким кодексом чести на тебе не женился?

— Так он уже был женат, когда мы встретились.

— Да ладно? На ком это?

Я тут же принялась вспоминать всех девушек до меня. Вообще-то их было всего две. Ведь мы познакомились, когда мне не было и восемнадцати! А ему едва исполнилось двадцать два. Когда он жениться-то успел, засранец?

— Так дед заставил, — вздохнула Аннет.

Ах, ну если дед

Донкана-старшего я ни разу не видела. Меня от него тщательно прятали. Тяжелый был человек, даже жестокий. Жаль, что умер рано, ему чуть больше шестидесяти было. Характер скверный, жена молчаливая, сын — пьяница и неудачник. Зато внуки не подкачали.

Вот только в моем мире Илья мнение деда при выборе жены учитывал в последнюю очередь. Собственно говоря, поэтому и наследства никакого не получил. Все имущество дед оставил сыну, который радостно пустил его по ветру. А Илья получил образование, ученую степень, потом сделал неплохую карьеру на заводе.

Здесь что-то пошло не так.

— У нас нет бесплатного образования, — подсказала мне Аннет. — Есть стипендии для особо одаренных, но ты ведь знаешь Илью: он не слишком хорошо учился, все больше на заводе у деда пропадал. Он не слишком хорошо сдал экзамены, не дали ему стипендию. А платить дед отказался. У него и самого образования не было.

Мне стало жаль местного Илью. Он ведь и вправду умница, всего добился сам. С нуля. Но высшее образование у нас все же пока бесплатное.

— В общем, дед четко сказал: женишься вот на этой девушке, и наследство твое. А нет — вали на все четыре стороны. Он и женился. Говорит, жену до свадьбы дважды видел только. Зато его тесть кучу денег вложил в семейное предприятие.

— Ну понятно, — кивнула я. — Без наследства он бы оказался на улице. Сомнительное удовольствие. Стоп, а что его отец? Ведь, получив наследство, он бросил мать Илья и женился на молодой красотке!

— Ну, в этом мире Александр Демьянович наследства не получил, — злорадно усмехнулась Аннет. — И молодая жена ему не светит. Илья сейчас содержит и мать, и отца. Сама понимаешь, его мать меня терпеть не может, хотя внучек своих признала.

Я фыркнула. Как будто я со свекровью в хороших отношениях!

Дальнейшую историю я слушала, как страшную сказку. Моя мать, оказывается, ушла от отца и, отдав меня бабушке, всю жизнь проработала нянкой чужих детей. С этим все было понятно, она и в моем мире развелась, когда мне не было и двух лет — как только отец посмел поднять на нее руку. Только от ребенка ей отказываться не нужно было, нравы совсем другие.

Молодой коммерсант и хорошенькая продавщица встретились в магазине шляп и перчаток. Робкие взгляды, нежные улыбки. Илья влюбился как мальчишка. Жену свою он скорее терпел, что, впрочем, не помешало ему заделать сына. После рождения наследника отношения в семье окончательно испортились, но молодые продолжали создавать видимость счастливого брака: развод погубил бы жизнь обоим. И Илья предложил Аннет стать его второй супругой. Короче говоря, официальной любовницей. Та, прикинув свои перспективы на брачном рынке, согласилась. К тому же чувства были взаимны.

— Я отдала этому мерзавцу лучшие годы жизни! — грустно сообщила Аннет. — Впрочем, все это время я ни в чем не нуждалась. Собственный дом, кухарка, горничная и даже нянька. Муж кухарки работает в три смены, по совместительству: сторожем, плотником и кучером. В хозяйстве имеется еще садовник, он живет в отдельном сарайчике, именуемом флигелем.

То есть тут все скромно, но мы явно не бедствуем. Не голодаем, в лохмотьях не ходим и даже посуду ручками не моем.

Крестину и Станиславу Илья официально признал после смерти деда. Из дома он меня не выгоняет даже сейчас. Вот только любовь давно прошла. Мы с ним такие разные!

Я ее ой как понимала. И с горечью признавала: на ее месте я бы поступила так же. Я ведь тоже любила когда-то своего Илью отчаянно, до дрожи в коленках, до боли в сердце

Одно очевидно: и в том, и в этом мире не существует вечной любви. Но если мы с бывшим супругом разошлись мирно и остались почти друзьями, то у Аннет все было немного печальнее.

Глава 5, семейная

Больше всего в этой дурацкой истории мне было жаль Кристину. Пока был жив дед, Илья соблюдал какие-то приличия и приезжал к любовнице редко, тайком. Потом дед умер и стало еще хуже: на молодого человека (слишком молодого, ему было всего двадцать четыре года) свалилось семейное предприятие. Хорошо, что он был не один.

— Так, стоп, откуда взялся брат? — недоверчиво уточнила я. — Нет у Ильи брата, только младшая сестра.

— Есть. Старший брат. Михаил.

— А его тоже насильно женили?

— Да, но там все хорошо сложилось. Стерпелось и слюбилось в общем.

Ладно, допустим. Разберемся. Не вижу проблемы в наличии старшего брата. Тем более Аннет, в смысле я, все равно не жена, а так... содержанка.

Старшая дочь знала отца не слишком хорошо, видела редко. А вот младшая, Станислава, выросла буквально у Ильи на руках. Все, как и в моем мире. Стаська — папина любимица. А Кристина — мамина дочка.

— Что вообще за новости? Куда Криске замуж? Она же дитя дитем!

— Ну... а почему нет? Шестнадцать лет, уже совершеннолетняя. Я в шестнадцать уже хотела замуж.

— А она не хочет. Я не поняла, Илью жизнь ничему не научила, да?

— Видимо, так. Я пыталась поговорить...

— Плохо пыталась.

Откровенно говоря, на страдания Аннет мне плевать. Ничего страшного не произошло. Подумаешь, ушел Илья! Да и скатертью дорога. Ей без него будет только лучше. Он в принципе хороший человек. Без содержания мать своих детей не оставит. А если денег мало — эта самая мать пусть идет в магазин работать. Или вон стулья реставрирует.

А вот за Кристину я готова была любому горло перегрызть. Девочку мою — и замуж! Очумел совсем Илья Александрович! Аннет не смогла отстоять дочь, а я смогу. И никто меня не остановит!

— И когда наш бывший муж соизволит обсудить замужество Кристи?

— Никогда, — фыркнула Аннет. — Он сказал, что отныне я для него — пустое место и мое мнение больше роли не играет.

— Охренеть! — возмутилась я. — Тогда я сама к нему поеду и поговорю.

— Тебя не пустят.

— Это мы еще посмотрим!

— Аня! Не нужно.

— Нужно, Аня, нужно.

Слава богу, никто не слышал меня сейчас. Точно бы в дурку сдали. Кстати, тут вообще кормят? Когда обед?

— Мы с тобой не ужинаем, — злорадно сообщила Аннет. — Фигуру бережем.

— Для кого? Илья все равно уже пройденный этап!

— Ну... мало ли...

Разумеется, я ее поняла правильно. Пройденный этап — это когда гроб в землю опустили. А Илья — он никуда не денется. У него здесь дочери. А может...

— Может, — вздохнула Аннет. — Захочет — заберет дочерей. Он отец, он имеет право. К тому же у него капитал, репутация и все такое. А я вообще никто.

— Сама-дура-виновата, — припечатала ее я. Аннет молча согласилась.

На ужин мы все же пошли. Есть хотелось очень. Но подлая Аннетка всеми силами мне мешала. Вернуть контроль над нашим телом у нее не получалось, зато рассказывать, что я стану жирной, не влезу ни в одно платье, а потом еще и грудь обвиснет — это она могла только в путь. Я не только обладала живым воображением — я реально еще недавно видела в зеркале толстую Анну Васильевну (на Анечку она уже не тянула) с этой самой неприятной грудью и целлюлитом на бедрах! И кусок в горло не лез. Ограничилась чашкой мятного чая и кусочком тушеной говядины. Достаточно. Теперь нужно будет быстро уснуть, пока желудок не понял, что его обманули.

Но, как и в реальной жизни, план провалился с треском. Сначала Кристина показывала мне свои акварели — весьма приличные, кстати, не зря Аннет наняла учителя рисования, потом заупрямилась Стаська, на которую весь день никто не обращал внимания. Она за ужином дергала старшую сестру за волосы, кидалась едой, капризничала — словом, вела себя как обычно.

— Как бы не заболела, — озабоченно вздохнула Аннет.

— Ремня ей нужно выписать, — нахмурилась я.

— Это все папино воспитание! — сошлись мы во мнении. — Избаловал младшую до безобразия!

— Станислава, пора спать!

— Не хочу, я еще уроки не повторила. Завтра учитель будет спрашивать про задачи, а я ничего не сделала!

— Ты что-то не поняла? Тебе помочь?

— Я все понимаю, маменька. Просто у меня совершенно не было времени!

Кристина выразительно закатила глаза. Все здесь знали, чем весь день занималась младшая. Строила шалаш в саду, кидалась грязью в забор, планировала побег (хорошо, если в город к отцу, но могла бы и на Северный полюс). Бегала наперегонки с собакой, гладила кошек, пугала кур.

На курах я мысленно споткнулась. Еще и куры? Аннет подтвердила: еще и куры. Дом хоть и небольшой, но есть сарай, есть флигель для старика-садовника, есть комнаты прислуги, где сейчас живут кухарка и горничная. Кур завела Ксана, она бы и козу купила, и индюков, и поросенка, но Аннет запретила. Все же у них не деревенский дом, а приличная усадьба. Тут даже гости иногда бывают.

И у меня в голове что-то щелкнуло. Я немедленно выскочила на крыльцо и убедилась: и в самом деле — тот самый дом. Наверное, можно было сразу догадаться, но травма головы никак не способствовала сообразительности. Голубые доски, мезонин, столбики на крыльце, широкая подъездная дорожка, посыпанная гранитной крошкой, пожухлые клумбы — а неплохо здесь любовницы живут. Это вам не малосемейка где-нибудь на окраине города!

— Сколько комнат? — спросила я Аннет.

— Три спальни и гостиная на первом этаже, — недовольно ответила она. — А сверху был кабинет и хозяйская комната, но я вместо кабинета сделала будуар.

— Ну и дура. Остался бы кабинет, Илья бы тут чаще бывал.

— Он здесь ночевал очень редко. Сына любит, заботится о нем. Не хотел, чтобы тот без отца рос.

— Но и девочек не забывал? — уточнила я.

— Да. Илья обожает детей. Особенно Станиславу. Он ее безбожно избаловал. Подарки, карусели, ярмарки, платья, собака даже... Все, что она пожелает.

— А Кристина? К ней он как?

— С ней строже, но ведь она и старше. Ей уже не нужны игрушки. Но и ее он возит в город к портным. И несколько раз брал с собой на деловые встречи, чтобы представить друзьям. Он официально признал обеих девочек. По закону Илья — их опекун и имеет едва ли не больше

прав, чем я. Ведь у меня даже нет своего дома. Все здесь принадлежит ему. И никакого своего дохода у меня тоже нет. Только те деньги, которые он дает.

— Да ну нафиг! — рассердилась я. — Ты могла бы и откладывать.

— Разумеется, я откладывала! — возмутилась Аннет. — У меня свой счет в банке! И еще драгоценности на внушительную сумму! Я все рассчитала — если их продать, то можно купить домик в городе. Небольшой и на окраине, но свой собственный. Вот только оплачивать учебу детям я уже не смогу, даже если найду работу. А Илья... ну ты знаешь, какой он принципиальный.

О да, я знала! Мой бывший муж был порой упрям невероятно. Если я делала что-то ему наперекор, он очень злился. Не кричал, не скандалил, не выяснял отношения, а лишь молчал, игнорировал меня и пытался доказать, что я без него пропаду. Порой я даже не знала, на что он обиделся — а на вопросы он не отвечал. Как же меня бесила эта его черта характера!

Со мной проще: я легко вспыхиваю и так же легко успокаиваюсь. Покричу, поплачу, разобью пару тарелок — и запрусь в мастерской. Рукоделие меня всегда умиротворяло.

Сложившаяся здесь и сейчас ситуация мне не нравилась. Она ставила меня в очень уязвимое положение. Благополучие детей всецело зависело от их отца. Я была уверена, что он их ничем не обделит. Но нервы мне потреплет изрядно, ибо злой Илья — это страшно. И чем дальше, тем хуже: он имеет мерзкое обыкновение обиды записывать (к счастью, не в блокнот, а всего лишь где-то в голове), а потом при случае припоминать. Второго такого злопамятного человека еще поискать...

В общем, я все больше и больше убеждалась в том, что хочу увидеть местную версию своего бывшего мужа собственными глазами. И поговорить с ним на его языке. То есть с угрозами, шантажом и запугиванием. Я тоже умею в манипуляции, учитель был хороший. Жаль, что поздно научилась.

— Завтра мы едем в город, — сообщила я Ксане, которая принесла девочкам теплого молока.

— Мы — это кто? — уточнила деловито горничная.

Я усмехнулась. Оксанка всегда была хозяйственной до безобразия. Мы с ней дружили очень давно (я, конечно, про тот, другой мир), что не мешало нам взаимовыгодно сотрудничать. Она убирала мою кухню, присматривала за дочками и собакой, когда я уезжала, и изредка готовила что-нибудь вкусное. А я ей платила, разумеется. И доверяла безоговорочно.

— Мы — это я и Кристина, — вывернулась я. — Погуляем по городу, поболтаем по душам.

— А можно мне с вами? Я бы дочку навестила и кой-чего купила себе.

— Прекрасно, едем втроем.

Аннет быстро объяснила мне, почему дочка Ксанки живет не с матерью, а с ее родителями. Они уже в возрасте, им нужна помощь по хозяйству. К тому же в городе бесплатная школа недалеко от родительского дома. И если для четырнадцатилетней девочки кровать в нашей усадьбе нашлась бы, поселить у себя двух стариков довольно хлопотно. Да и вообще — с чего бы? Благотворительностью мне заниматься не с руки, я никаких источников дохода вовсе не имею, кроме того, что мне с барского плеча отстегивает Илья Александрович. В общем, дочь Ксанки живет в городе. Не в Москве, конечно, до Москвы нам часа четыре в экипаже трястись или два с половиной — ехать в автомобиле. А ближайший городок с чудным названием Верейск — совсем рядом. Можно даже пешком дойти, если очень захотеть.

Я, разумеется, не хотела.

— А завод Ильи, конечно, под Москвою? — уточнила я у Аннет.

— Да. Контора на задворках Верейска. Обычно он там работает. Или на заводе, но на завод ехать не нужно, да и пропуска у меня нет. И вообще Илья подумает, что я свихнулась, если я вдруг на завод заявлюсь.

— Работала я когда-то на заводе, — усмехнулась я. — Только, боюсь, это совершенно другое. Ты права, не стоит лезть туда, где женщине не место. Только дурой прослыву да всех перепугаю.

Аннет перевела дух, а я злорадно продолжила:

— Но в управление заеду, конечно. Очень уж хочется мне с Ильей Александровичем замужество Кристины обсудить.

Глава 6, провинциальная

Маленький Верейск показался мне любопытным городишкой, аккуратным и весьма живым. А еще — весьма шумным. Как-то я представляла себе старинные городки куда более сонными. Но по узким улочкам, мощеным брусчаткой, цокали копытами лошади, шумно ругались извозчики, визгливо бранились вполне приличные на вид бабы, гудели клаксоны, рычали двигатели древних автомобилей. Деревьев было очень мало, для них просто не оставалось места. И на тротуарах валялось слишком много мусора. Бородатые дворники лениво махали метлами, поднимая клубы пыли.

Кристина, до невероятности хорошенькая в голубом пальто с пелериной и голубом же капоре, тихо сидела рядом со мною, а вот Ксанка не замолкала ни на минуту.

— Толку от этих дармоедов, — бубнила она. — И за что только жалованье получают? Вон в переулке листья сухие, бумажки какие-то, веревки. И то верно, рядом почта. Пусть бы городского поставили, а он бы штрафовал тех, кто мусорит. И порядок будет, и казне прибыток. Вот в Москве, барышня, там такая чистота, что глаз радуется. Потому что люди там сплошь образованные, культурные.

Я вздыхала. Есть какие-то вещи, которые не меняются ни в каких мирах. В столице всегда живется слаще.

— А я вот туточки выйду, остановите мне, — скомандовала Ксанка.

С легкостью и изяществом, которые было сложно заподозрить при ее габаритах, женщина выпрыгнула из брички и устремилась куда-то в переулок. Впрочем, Ксанка была не столько полная, сколько крупная и сильная — кровь с молоком. Толстая пшеничная коса, круглое румяное лицо, веселые голубые глаза — она была настоящей красавицей. Но характер... тиран она в юбке, командир полка, не меньше! Она и Аннет пыталась командовать, но все же сдерживала свои порывы. Лишиться столь теплого места ей не хотелось.

— Я ее боюсь, — призналась Кристина. — Такая... шумная! И ругается всегда.

— На тебя? — насторожилась я.

— Ну нет. На кучера, на садовника, на кухарку. Всех жить учит. Наверное, потому от нее муж и убежал.

Я пожалала плечами. Про личную жизнь той Оксаны, что осталась в моем мире, я знала все. А что касается здешней Ксанки, так это не мое дело. Мы здесь все же не подруги.

— Надо заехать к Женни, — напомнила мне Аннет.

— Зачем?

— Светская жизнь, вот зачем. Не так уж много у меня настоящих друзей, чтобы о них забывать.

Ок, к Женни так к Женни. Она Евгения, верно? Евгения Бауэр, вдова, владелица цветочной лавки. Что же, я прекрасно знаю, кого увижу.

Женька Бауэр и в этом мире была удивительной красавицей. Высокая, выше не только меня, но и нашего кучера, с живыми зелеными глазами, пышными каштановыми кудрями и очаровательной улыбкой. Платье на ней, хоть и черное — Женька считалась в Верейске вдовой — подчеркивало тонкую талию, а юбка по последней моде едва прикрывала лодыжки. Лаковые остроносые ботиночки сверкали идеальной чистотой. И как ей удастся всегда выглядеть безупречно?

— Аннет! — обрадовалась мне Женька. — Как хорошо, что ты ко мне заехала! Здравствуй, Кристина, прекрасно выглядишь. Проходите же скорее, буду поить вас чаем. У меня новый сорт, с земляникой и лепестками роз!

— Мы на минутку, — отказалась я. — Мимо проезжали, захотелось взглянуть на твои букеты. Они, как всегда, великолепны!

— Ко мне из Москвы сегодня приказчик приезжал, — похвалилась Женька. — Заказал цветочные гирлянды на именины княжны Розиной. Эх, пора мне перебираться в столицу!

— Давно пора, — согласилась я, любуясь свежими лилиями, фиалками и хризантемами. — Но разве в Москве можно построить оранжереи?

— Увы, нет, — вздохнула Женька. — И Николая в Москве тоже не будет.

Я на минутку подвисла, а невидимый суфлер у меня в голове быстро пояснил, что Николай — это Николай Тоболин, владелец тех самых оранжерей, нынешний Женькин любовник. Поскольку Женька не была дворянкой, на ее личную жизнь общество смотрело сквозь пальцы. Тем более она вдова — ей уже все можно.

Аннет, кстати, тоже дворянкой не была, отца она не знала, а мать когда-то работала гувернанткой, теперь же сидела дома — Илья Александрович и ей выплачивал неплохое содержание. Кстати, а почему она со мной не жила? Ах, она стыдилась моего поведения? Но деньги у моего любовника брала без всяких угрызений совести? Какая гибкая мораль...

Расцеловавшись с Женни и пообещав непременно зайти на чай, мы двинулись дальше. Сначала, как водится, в кофейню возле Лебединого сада, дабы перекусить после утомительной дороги и поглядеть на местную публику.

— Смотрите, матушка, какие нынче носят шляпки, — шептала Крис, как и все юные девушки, живо интересующаяся нарядами. — А на даме в черном такой чудный шелковый шарф! О, а это экипаж госпожи Синицыной! Жаль, она нас не увидела.

Александра Ларина, нынче Синицына — еще одна моя, а вернее, Аннеты верная подруга. Не так давно она наконец-то вышла замуж. Был, кстати, ужасный скандал. Илья даже запретил Аннет ехать на свадьбу.

— Почему скандал?

— Так Георг Синицын разорвал помолвку с юной Марией Вишерской и сделал предложение Алекс. А Алекс уже почти тридцать, она старая дева!

Я невольно поморщилась: какая ерунда. Сашенька Ларина и в моем мире была девушкой независимой и требования к мужчинам предъявляла весьма высокие. Не разменивалась на бесполезные отношения, ожидая принца на белом коне. Дождалась, стало быть.

— Ты к отцу хочешь поехать? — спросила я Кристину, допивая кофе.

— Нет, — упрямо нахмурилась дочь. — Видеть его не желаю. Мы в последний раз с ним разругались насмерть. Я лучше к тете Амелии в гости зайду. Там вас и дождусь.

С Амелией, младшей сестрой Ильи, мы держали нейтралитет. Она об Аннет знала, даже присылала ей (мне) подарки на именины, а дочерей ее любила крепко, потому как сама была бездетна. Ее единственный ребенок умер в младенчестве, и всю любовь Амелия изливала на племянников. Аннет в ее доме не бывала, не желая навязываться, а теперь и вовсе ей вряд ли были бы рады, а вот для Кристины двери всегда открыты.

— Тогда так и сделаем, — вздохнула я. — Ты к тете Амелии, я — к Илье.

— Но сначала новое платье!

— Разумеется. И к белошвейке за приличным нижним бельем.

С недавних пор я придерживалась принципа: война войной, а белье должно быть самым красивым. Кто знает, когда придется обнажаться! Я ведь — женщина свободная. На самом деле ни одного прецедента за полгода после развода не было, реальные мужчины интересовали меня мало. Но это не так уж и важно.

Белье мадмуазель Аннеты мне совершенно не нравилось, оно было скучное и, откровенно говоря, уже довольно ветхое.

— Я сэкономила! — огрызнулась на мой упрек Аннет.

— Ну не на белье же! И вообще, на себе экономить — последнее дело!

— А на чем еще, скажи на милость? На детях? На прислуге?

Пришлось согласиться, что она права. Сложно жить безработной женщине. Но работающей — еще сложнее. Что-то мне не слишком охота на фабрику или за прилавок магазина. Здесь рабочий день длился десять часов, а то и больше, а платили женщинам ровно столько, чтобы хватало лишь на самое необходимое. Ну хоть налоги женщины не платили, и то ладно.

— Может, и стоит тебе, Кристин, замуж выйти? — с сомнением спросила я. — Во всяком случае муж будет тебя обеспечивать, а обидеть не посмеет — твой отец ему голову тогда оторвет.

Дочь всхлипнула жалобно.

— Ладно-ладно, не хочешь — не надо. И в самом деле, слишком рано.

Большой и красивый дом Амелии Донкан-Кичигиной находился в самом центре Верейска. Разумеется, и об этой внучке дед позаботился, выдав ее замуж за одного из своих партнеров. Была ли она счастлива? Не знаю. Мы с ней по душам не разговаривали. Хотя сестра Ильи всегда была весела и приветлива.

Я осталась сидеть в бричке, а Кристина смело постучалась в двери. Открыла сама хозяйка — в пальто и шляпке. Видимо, собиралась куда-то выйти или, наоборот, только вернулась.

— Кристиночка, девочка моя любимая! — обрадовалась Амелия. — Ты откуда тут?

Заметила меня, приветливо кивнула. — А я к родителям в гости хотела ехать. Анна Васильевна, здравствуйте. Отпустите со мной дочку?

Аннет прошипела что-то невнятное, исходя из чего я поняла, в каком месте она видала мать Ильи. Но Кристина смотрела на меня щенячьим взглядом, и я криво улыбнулась:

— Вы надолго, Амелия Александровна?

— Нет, на час-другой. Потом домой вернемся.

— Ладно, езжайте.

— Прекрасно. Кристина, ты зайди пока, Гришка еще авто не вывел из гаража. Анна Васильевна, не желаете ли пройти?

— Нет, спасибо, я... — И тут мой взгляд зацепился за гору мебели, наваленную за углом дома. — А это у вас что, Амелия Александровна?

— А, это на дрова. Старые стулья, сломанный стол...

— Стулья, говорите? А могу я взглянуть?

Под истошное Аннеткино: “Куда, дура?” я прыгнула с брички.

Вот это? На дрова? Какие прекрасные стулья!

Амелия неуверенно топталась рядом. Аннет в голове громко ругалась. А я вцепилась в стул с некогда изогнутыми ножками и порванной обивкой.

— Но его же можно починить!

— Полно вам, новые уже куплены. Эти сжечь и дело с концом. К тому же их всего три. У четвертого сломана ножка.

— Это который?

— Вон тот, кажется.

Я вытащила из кучи еще один стул и придирчиво его осмотрела. Ну да, сломана. Можно штифт загнать и проклеить, будет как новенький. И под покраску!

— Четыре, говорите?

— Было двенадцать. Остальные уже сожгли.

— А отдайте мне их, Амелия Александровна!

Невысокая круглолицая женщина широко раскрыла серые глаза и неуверенно улыбнулась.

— Зачем же вам? Или Ильи так мало денег дает, что вам не хватает мебели? Так я лучше подарю вам новый гарнитур...

— Ах нет, я хочу эти. У меня новое хобби, знаете ли. Реставрация мебели.

Аннет в моей голове и сестра Ильи и ахнули в унисон.

— Ой как интересно! — Да, Амелия и в моем мире была очень вежливой женщиной, которой воспитание не позволяло озвучивать некоторые мысли вслух. — Тогда, конечно, заберите! Потом покажете, что у вас получилось?

Я уверенно ухватила два стула и кивнула Кристине, с несчастным видом спрятавшейся за спину тетки.

— Что стоишь? Помогай.

— Да куда вы их собираетесь складывать, матушка?

— В бречку, — лаконично ответила я. — Потеснимся.

И дикий взгляд кучера меня несколько не смутил.

— Погодите, Анна Васильевна, — вмешалась Амелия, благослови ее Господь. — Поставьте стулья. Я заверну их в бумагу и отправлю в вашу усадьбу. Может, еще и стол желаете? Он крепкий, только краска вся облезла. И еще буфет есть старый.

— Я все беру, — решительно заявила я.

— Прикажу Гришке привезти.

Кажется, Амелия решила не спорить с сумасшедшими. Это правильное решение. Хотя на кой черт мне буфет? Что я с ним буду делать без инструментов?

Распрощавшись с сестрой Ильи, я спросила у кучера:

— Ты знаешь, где мебельные мастера работают?

— Знаю, Анна Васильевна. Только вот...

— Поехали скорее. А потом точно к Илье в офис. То есть — в контору.

Аннет в моей голове молчала. Ее гневное сопение меня совершенно не смущало. Ура, стулья! Да еще самый настоящий винтаж! То есть пока не винтаж, но для меня — уже практически антиквариат.

— Позорище! — не выдержала Аннет. — Стулья старые попрошайничаешь!

— Скажи спасибо, что не с помойки тащу, — мирно мурлыкнула я, совершенно довольная собой. — В моем мире я постоянно по помойкам шарилась.

— Какой ужасный мир! Неужели ты была настолько нищей?

— Вовсе нет. Это очень весело на самом деле. Поверь, тебе понравится.

Я точно знала, что Аннет оценит новое хобби. В конце концов — мы с ней одинаковые.

Глава 7, мебельная

Кучер всей спиной выражал негодование, но я уже усвоила: его дело маленькое. Я плачу (точнее, Илья платит) — он меня возит куда нужно. А за разговоры прислуге тут не платят, а наоборот, штрафуют.

— А ну стой! — громко крикнула я при виде резной деревянной вывески “Мебельный зал Шнипсона”. — Я сюда зайду.

— Не нужно вам сюда, сударыня, здесь все очень дорого. И хозяин — немчук.

“Германец, — любезно перевела Аннет. — А пойдем. Никогда не была в таких местах!”

— Мне только спросить, — отмахнулась я от кучера. Кстати, у него ведь имя есть, да? Федот? Отлично, постараюсь запомнить. — Обожди тут!

Как будто он куда-то денется!

В просторном выставочном зале, разумеется, стояли стулья. И буфеты с резными дверцами и разноцветными стеклами. И добротные платяные шкафы.

— Чего изволит прекрасная дама? — юркий молодой человек с пошлыми тонкими усиками тут же выскочил из-за конторки. — У нас самый замечательный в Вереysке выбор стульев! Желаете обсудить формы? Обивку можно выбрать по каталогу!

— Ручная работа? — я пригляделась к стулу с фигурной спинкой и круглыми ножками. Потрогала обивку. — Это какое дерево?

— Орех, сударыня. Ручная работа, фабричное качество!

— Ножки выточены на станке. Если орех, то зачем красили? Лучше б морилкой или восковым маслом прошлись.

— Сударыня разбирается в мебели?

— Не во всех. Но разбирается. Хозяин сам у станка стоял, или у него подмастерья имеются?

— И сам, и подмастерья, — бедный приказчик уже смотрел на меня со страхом. — А с какой целью интересуетесь?

— Для повышения образованности. Можно ли с хозяином переговорить?

— Я... спрошу.

— Сейчас?

— Нет, он в мастерских.

— А где мастерские?

— На Калинкиной улице.

“Я знаю, где это, — подала голос Аннет. — Практически по соседству с конторой Ильи.”

— Прекрасно, премного вам благодарна. Любезнейший, а можно мне стул перевернуть? Хочу поглядеть, что там на изнанке.

— Конечно, сударыня.

Вероятно, испуганный приказчик даже шкаф бы для меня опрокинул, лишь бы я побыстрее исчезла из выставочного зала.

— О, он на шкантах! — обрадовалась я, взглядевшись в крепления ножек. — И без единого гвоздя! Обивка на клею, да?

— На рыбьем.

— Внутри что?

— Конский волос.

— Чудно. А стулья с сиденьями на ремнях есть? А на пружинах?

— Да, конечно. Вам показать?

— Нет, не нужно. Я бы, конечно, вон в то кабинетное кресло с деревянными подлокотниками заглянула, но думаю, что снизу все подшито. Верно?

— Да, сударыня, все подшито.

— Благодарю. Вы мне очень помогли.

Из магазина я вышла в радостном воодушевлении. Ура, мои любимые стулья! Да еще такие любопытные! Буквально музейные экспонаты!

— Федот, поехали на Калинкину улицу, в мебельные мастерские!

— Слушаюсь, Анна Васильевна.

— Так, погоди, ты не голоден?

— У меня хлеб и квас с собой.

— Мимо булочной проезжать будем, купи горячих пирожков с мясом.

— Не советую, Анна Васильевна. Говорят, мясо ихнее, хоть и свежее всегда, да неизвестно, хрюкало или гавкало.

— Может, и мяукало, — согласилась я. — Тогда с рыбой? Или с яблоками?

— С яйцом знатные пироги в лавке у Симонова. И с капустой расстегаи.

— Вот туда и заедь. Себе горячего возьми, на вот тебе... — я заглянула в кошелек.

“Рубля хватит,” — подсказала Аннет.

— Рубль тебе.

— Не стоит волноваться, барыня, я привыкший...

— Брось, я еще невесть сколько тебя гонять буду. Ты мне нужен здоровый и сильный.

— Тогда благодарствую, Анна Васильевна. Вы всегда так заботливы...

“Всегда?” — уточнила я у Аннет.

“Ну да, — вздохнула она. — Я ему всегда рубль выдаю на еду. Живая душа ведь. Да и хороший он, хоть и ворчливый”.

Я кивнула сама себе и снова залюбовалась городком. Красивые дома скоро кончились, дальше пошли, как видно, рабочие кварталы. Приземистые и длинные бараки, некоторые даже без стекол в окнах. Из красного, самого дешевого кирпича. Некоторые — деревянные. И мостовая тоже кончилась. Колеса брички стучали по криво брошенным в грязь доскам.

— Прощения прошу, Анна Васильевна, можно было по Рабочей улице проехать, она куда приличнее и чище. Но вы же на Калинкину просили. Тут... сомнительно.

Это я видела и сама. Но... Где же мне еще про инструменты спрашивать, если не в мастерских? Аннета понятия не имеет, что такое цикля, а кучер и подавно.

— Вот сюда нам.

Из одноэтажного здания с черепичной крышей слышался стук молотка и жужжание какого-то станка. Вывески тут никакой не было, но Федот спрыгнул с облучка и кивнул мне:

— Сидите, Анна Васильевна. Я сам все узнаю.

После пирожков и горячего сбитня он знатно подобрел. Видимо, голодный был!

— Тетенька, дай копеечку! — Чумазый паренек выскочил из проулка в тот же миг, как мой кучер скрылся за дверями мастерских.

— Могу дать только в лоб, — весело ответила я. — И еще пирог с капустой, хочешь?

— В лоб не хочу, пирог давайте!

Я достала из бумажного кулька остывший уже пирог, с сожалением вздыхая о том, что кучеру и этому мальчишке вполне можно подкрепиться на улице, а приличной барышне уже не комильфо. Пирожки я взяла для себя и Кристинки. Обратно будем возвращаться по темноте да проселочным дорогам, тогда и слопаем, и никто не заметит нашего позора.

— А вы кого ищите, тетенька?

— К Шнипсону приехала.

— К Захарий Лукьянычу? А зачем?

— Многие знания — многие печали, мой маленький друг.

Парень не обиделся, даже и наоборот: мечтательно раскрыл глаза и медленно повторил:

— Многие знания — многие печали... Эко вы завернули фильдеперсово! Я так Сеньке Шмону скажу в следующий раз. Дескать, не твое собачье дело, Семен, ибо многие знания — многие печали.

“Ты бы не болтала с кем попало, — не выдержала Аннет. — Он сейчас тебя обворует и сбежит!”

“Да что тут брать-то, пирожки, что ли?”

“А хоть бы и пирожки. Глаза вон голоднющие. Жадная ты баба, Анна. Отдай уже малому весь кулек.”

И верно. Я дома поужинаю. Или в трактир по дороге заверну. А этот вон худющий, одни глаза.

— Вкусный пирожок?

— Ага. Спасибо, тетенька.

— Еще будешь?

— А можно? Сам уже сыт, мамке отнесу, она болеет у меня.

— Зовут тебя как?

— Мишаня.

— Вот, держи, Мишаня, — я отдала мальчишке оставшиеся пирожки. — Будь здоров!

Он схватил кулек, изумленно на меня зыркнул, шмыгнул носом и вдруг припустил что есть мочи, только штiblеты засверкали. Станный какой. Видать, и вправду что-то спер. Но мой кошелек на месте... И лошадь не увел вон. Может, у Федота какую вещь украл?

Дверь мастерских распахнулась, в них появился мой кучер в компании здорового рыжего мужика. На курносом лице мастера сияли веснушки. Он, смешно нахмурив кустистые оранжевые брови, оглядел меня с некоторым пренебрежением.

— Барышня заказ сделать желает? Или приехала убедиться, что в моей мастерской не используется детский труд?

Последний вопрос поставил меня и Аннету в тупик. При чем здесь детский труд?

— Я к вам как к мастеру приехала, — осторожно сообщила я. — Говорят, вы — лучший в Вереysке.

Немного лести еще никому не повредило. Вот и мужичок тут же лоб расправил, глазами зелеными засверкал и даже чуточку покраснел от удовольствия.

— Правду говорят, — беззастенчиво согласился он, и в его голосе послышался небольшой акцент. — Мои стулья и буфеты даже в московские рестораны заказывают. Так что же фрау угодно заказать? Обеденный гарнитур? Может быть, супружескую кровать? Или посудный шкаф с витриной?

— Мне нужны инструменты, — мило улыбнулась я. — Цикли, наждачная бумага, молоток, пила... что там еще? Киянка не лишняя была бы. Ну и линейки металлических всякой длины бы.

С каждым словом лицо мастера удивленно вытягивалось.

— Цекля?

— Цикля. Ну скребок такой металлический. Хорошо бы разной формы. И круглый, и прямоугольный, и с ручкой — такой, знаете ли, для снятия коры с дерева.

— А, ziehklinge? — почесал бороду мастер. — Интересно как вы завернули! А вам зачем такое непотребство?

— Стулья чинить буду.

— Зачем? — снова удивился мастер. — Зачем их чинить, когда можно новые купить, да еще и лучше? И старые — на дрова. Или перевелись в Московее деревья? Или мебель делать разучились?

— Увлечение у меня такое, — любезно пояснила я. — Хобби, если желаете.

— Hobby?

— Кто-то вышивает, кто-то розы выращивает, а я стулья ремонтирую.

И глазками похлопала, дескать — чего с избалованной дамочки взять?

— Hobby, — снова повторил мастер. — Ziehklinge. Verdammt nochmal! А еще что нужно?

— Краски, кисти, клей. Если подскажите, где конский волос да ремни подходящие купить, буду премного благодарна. Грунтовка, мебельное масло, лучше с воском. Морилку можно еще...

— Масло-то зачем? Еще и с воском? Да что за масло такое особое?

— Обычно льняное.

— Зачем?

— Дерево пропитывать.

— Да на кой ляд его пропитывать?

— Чтобы подчеркнуть фактуру древесины. Орех, бук, клен, дуб — они красивые.

— Краска всяко красивее! — возразил мастер. — Сейчас все больше белые мебели в моде, чтобы много позолоты было.

— Краской любой дурак может, — широко улыбнулась я. — Под краской любой косяк скрыть можно.

Мастер задумчиво на меня поглядел. Смешно пошевелил бровями. Решился:

— В цех я вас, фрау, не пущу, там dreckig und speckig, дуже грязно. И мужики одни. Нечего там приличной фрау делать. А ziehklinge найду. И даже молоточек подарю. Что же касается конского волоса, ремней и приличного клея — это вам к скорнякам. Краску, лак да гвозди найдете в скобяной лавке.

— Наждачная бумага, — напомнила я.

— Стекланная — самая лучшая. Но и стоит дороже. А потом лучше бы тряпочкой со специальной пастой. Я ее сам делаю из сушеных трав.

— Очень хорошо. Продадите?

Рыжебородый смерил меня тяжелым взглядом, громко вздохнул и качнул головой.

— Подарю. Ежели вы мне потом хоть один стул покажете. Московейские женщины такие странные. Никак не привыкну. То избы поджигают, то коней гоняют. Знаю я фрау, что скульптуры делает, да не из глины фигурьки всякие, а из натурального мрамора.

— Да, мы такие, — согласилась с ним я. — А, струбцину бы еще, есть у вас?

— Поясните, — мастер даже не удивился.

— Ну как я вам поясню... зажимная штуковина... типа тисков. Только одна лапка по винту ходит. Нарисовать могу!

— Я вас понял, фрау. Фиксирующие щипцы. Не дам! Но могу посоветовать хорошего инженера, он сделает любого размера, если эскиз нарисуете.

— И на том спасибо, — кивнула я. — Буду рада любой помощи.

— Куда вам инструмент направить? Я выберу самый лучший да почищу сначала.

Беспомощно оглянулась на Федота, и тот подсказал:

— А вы госпоже Донкан-Кичигиной с посыльным отправьте на Семеновскую улицу дом номер двенадцать. Подпишите, что для Тавровой Анны Васильевны. Она с ближайшей оказией и передаст.

— Gut. Запомнил.

— Премного благодарствую, Захарий Лукьянович, — кивнула я с довольным видом. — Надеюсь, еще увидимся.

Этот мир мне нравился все больше. Хоть здесь и не было маркетплейсов, даже строительных магазинов не было, зато был функционал типа “Федот”, которому можно поручить все важные покупки. Пусть образцы привезет, а я уж решу, что мне пригодится, а что нет.

— Можем ехать, Анна Васильевна, али еще на помойку заглянем? — Кучер явно был недоволен моим новым хобби. Он, видимо, предчувствовал, что у него отныне прибавится хлопот.

— Извольте, Федот. На сегодня приключений достаточно. Теперь — к Илье Александровичу.

— Не считите за дерзость, госпожа, но приключения только начинаются. Пока были цветочки. Ягодки вас ждут в конторе. Илья Александрович будет очень недоволен.

— Это не твои проблемы, Федот. Ты вообще можешь не волноваться ни о чем, я разберусь сама.

А в груди неприятно заныло. Разберусь, конечно, спору нет. Не впервой. Только зная поганый характер Ильи — разборки будут громкими. Надеюсь, что его воспитание в этом мире чуть лучше, чем в моем. Тут ведь не принято кричать на женщин? И матом, наверное, приличные мужчины не ругаются?

“А кто тебе сказал, что Илья — приличный мужчина? — грустно заметила Аннет. — Дед его плебеем родился, да и внук недалеко ушел. И никакие деньги ему благородства не добавят.”

Я поежилась. Вот это — новость плохая. Мой Илья все же мог с некоторой натяжкой считаться интеллигентом. Особенно если пребывал в благодушном настроении. Окружающие считали его золотым человеком: веселым, обаятельным и добрым. Ревнивый и вспыльчивый хам из него вылезал только дома.

— Приехали, Анна Васильевна. Я же говорил, что тут совсем рядом. Вот она, контора Ильи Александровича. Вы идите в здание, а я пока лошадь во дворе поставлю, чтобы улицу не загораживать.

Глава 8, заводская

Меня, разумеется, пропустили в кабинет Ильи Александровича — а попробовали бы не пустить! Хоть и не жена я ему, а мое имя тут знали. А если бы и не знали, то что с того? Пришла приличная женщина по личному вопросу. Не проститутка, не пьяница, не нищенка — за что меня гнать?

Разумеется, Донкан мне рад не был, и все его эмоции прекрасно читались на породистом лице. Напрасно Аннет обзывала Илью плебеем, ничего мужицкого в нем не было. Узкое лицо, светлые глаза, густые брови. Подбородок мужественный, нос и вовсе орлиный. А таинственная бледность и не слишком здоровый блеск глаз явственно свидетельствовали: господин Донкан вновь мучается бессонницей. Такое и в моем мире нередко бывало.

Илья сидел за большим конторским столом лицом к дверям. Перед ним лежали исписанные бумаги и какие-то книги.

— Я вас не ждал, Анна Васильевна. Зачем явились?

Даже не поздоровался! Тогда и я не буду.

— Нам нужно серьезно поговорить.

— Я не желаю с вами вести никаких разговоров.

— А я желаю! Кристина слишком молода для замужества.

Он скривился и ребром ладони отодвинул бумаги. Тяжело поднялся, подошел к двери и проверил, плотно ли она закрыта. Я разглядывала Илью с восторженным любопытством. Надо же, а он в очках! И при роскошных бакенбардах! И вовсе не лысый! Мой-то муж давно сделал лазерную операцию по восстановлению зрения, а лысеть начал после института. Оказывается, избыток знаний и вправду влияет на волосяной покров! Шутка, конечно, наверняка сказался уровень стресса и экология. Или это я ему плешь проела?

— Прекратите так глупо улыбаться, Анна Васильевна, — буркнул Илья Александрович, отворачиваясь. — Я не собираюсь с вами спорить. Кристина выходит замуж весной. Точка.

— Илья, ты бы спросил у девочки, чего она сама хочет.

— Извольте вести себя прилично. Мы с вами не в спальне.

— О чем это ты? — растерялась я. — При чем здесь спальня?

“Называй его по имени-отчеству и на “вы”, — хихикнула Аннет. — Так положено.”

— Вы пили, Анна? Ведете себя сегодня... странно.

— О, вы просто плохо меня знаете... — усмехнулась я, — Илья Александрович. Должно быть, никогда и не знали по-настоящему.

— Все женщины одинаковые, — закатил глаза Илья. — Чего вы хотите от меня? Денег? Предоставьте смету. Я оплачу те расходы, что посчитаю нужным. И не дам ни копейки сверху.

— А вы жмот, Илья Александрович!

— Я просто рационален. У меня слишком много расходов.

— То есть новые панталоны вы мне не купите?

Он моргнул, невольно скользнув по моей фигуре взглядом.

— Нет, не куплю.

— Как жаль, что вы опоздали. Я еще утром потратила ваши деньги в лавке белошвейки.

— Как жаль, что мне придется проверить ваши счета и вычесть потраченную сумму из содержания на следующий месяц, — язвительно парировал Донкан.

Как же я любила когда-то наши перепалки! Наша ругань так легко переходила в флирт! Почему бы не повторить?

— Будете проверять только счета, Илья Александрович? Или проведете инспекцию покупок? Может быть, вы желаете лично убедиться, что панталоны стоят той суммы, которая за них уплачена?

— Анна, вы ведете себя совершенно неподобающим образом.

“Он всегда такой зануда? — спросила я Аннет. — Или только в конторе?”

“Я никогда не приезжала сюда раньше, — вздохнула она. — Так что не могу знать точно.”

— Думаете? Кто устанавливает для меня правила? Уж точно не вы.

Меня охватила шальная злость на этого человека. Я знала все его недостатки, все слабости — так, как не знала Аннет. Для меня вообще не было разницы, которая из проекций Ильи передо мной. И что самое забавное — в животе что-то сладко сжималось, когда он так на меня смотрел. Я его... желаю? Какой приятный сюрприз! После развода у меня напрочь исчезло либидо, я даже книжки 18+ читать бросила. Скучно и не вставляет. А у тела Аннет, похоже, такой проблемы не было. И сейчас оно подсовывало мне жирную свинью.

А может, эту свинью я сейчас вручу Илье Александровичу. А то стоит тут, понимаешь, такой представительный и строгий. При бакенбардах, в рубашке, пиджаке и шейном платке.

— Мне не хотелось бы выставить вас силой из кабинета. Успокойтесь. Ваша взяла, Анна, давайте поговорим как взрослые люди.

Какой же он все-таки скучный!

— Вы испортили всю игру, — вздохнула я. — Я так хотела продемонстрировать вам нижнее белье...

— Анна!

— Молчу-молчу. Так вот, Кристина замуж не хочет.

— Ее никто не спрашивает. Вас, впрочем, тоже.

— Вы желаете сделать свою дочь несчастной? — зло прищурилась я. — Точно так же, как ваш дед сделал несчастным вас?

— С чего вы взяли, что я был несчастен? Катерина была мне хорошей женой. Подарила замечательного сына. Я весьма благодарен своему деду... за все.

Это было больно. И я, и Аннета задохнулись от обиды. У кого из нас двоих вырвалось жалобное:

— А как же я? Вы клялись мне в любви!

Илья отвернулся, на его лице мелькнула тень досады.

— Анна! К чему сейчас ворошить прошлое? Теперь вы — пустое место в моей жизни.

“Пустое место”? Очумел? Ты ведь понимаешь, что я это запомню? Надолго. Навсегда! Но сейчас я не буду продолжать скандал. Не ради себя, ради Кристины. Мне нельзя с ним ссориться окончательно.

Слишком хорошо я знала этот вид, этот взгляд. Он в гневе. И совершенно не факт, что именно на меня. Но начну давить на него — и останусь крайней. Илья ужасно упрям и очень зол на язык. Наговорит всякого, а потом будет жалеть. И ладно если я крайней останусь. А если дочери?

И я отступила. Стиснула зубы, опустила глаза, смяла пальцами юбку.

— У вас проблемы на заводе, Илья Александрович?

— Откуда... какое вам до этого дело, Анна Васильевна?

— Самое прямое. Если у вас не будет денег, и я с голоду помру, и мои дети.

Он тяжело вздохнул и вернулся за стол. Уткнулся в бумаги.

— Я на грани разорения, Анна. Поэтому и желаю хотя бы Кристину обезопасить от нищеты. Пока никто не знает.

Я шагнула вперед. Теперь мне стало его даже жаль. Тот Илья, которого я знала, больше всего на свете боялся бедности. У него всегда были накопления, запасные планы, тайные союзники. И была я, которая готова была поддержать и утешить. Я бы и сейчас могла предложить помощь. В конце концов, можно продать нашу усадьбу и переехать к моей матери в небольшую квартирку в Верейске. Я могла бы устроиться на работу. Накопления... у Аннет они есть. И еще драгоценности.

Но этот человек не был мне мужем. Он только что заявил, что я — пустое место для него. Так для чего мне ему помогать? Все равно не оценит.

“Надо помочь”, — шепнула Аннета.

Я же лишь покачала головой:

— А вы точно желаете откупиться жизнью и молодостью своей дочери?

— Подите к черту, Анна.

— Илья...

— К черту, я сказал! — взорвался он.

Покачав головой, я вышла из кабинета. Видимо, дела и вправду плохи.

Глава 9, неприличная

Оказывается, моя дорогая Аннет только строила из себя приличную женщину. А ругалась она ничуть не хуже, чем я. Громко, с явным знанием дела, поминая и матушку, и отца, и деда Ильи Александровича. И я была с ней солидарна.

«Мы в полной заднице, Аня», — сказала я не то ей, не то себе.

Если Илья — банкрот, то очень скоро он начнет продавать имущество. И тогда самое простое решение — избавиться от дома бывшей любовницы. Старшую дочь — замуж, младшую забрать к себе, а меня... к маме, допустим! Убить трех... четырех зайцев сразу! Добыть деньги и избавиться от балласта!

Мы обе, впрочем, знали, что он не такой. Что будет тянуть до последнего, что он как та лягушка в молоке — станет барахтаться изо всех сил. И еще я помнила: Илья — финансовый гений. Он умеет зарабатывать куда лучше, чем большинство знакомых мне мужчин. Но также я помнила и то, что он невероятно, фантастически упрям. Если ему понадобится капитал и никакого другого выхода он не увидит, то на одной чаше весов окажется мое положение, а на другой — его собственная судьба... и Бог весть, что он выберет!

Буду верить в лучшее, а готовиться к худшему.

«Ты меня пугаешь», — прошептала Аннет нервно.

«Не поверишь, я сама себя пугаю!»

— Федот, мы едем домой, — скомандовала я кучеру, который, кажется, собирался подремать. Хорошо, что лошадь не стал распрягать, я быстро управилась.

— Какая-то вы бледненькая, Анна Васильевна, — заметил мужичок с некоторой долей сочувствия в голосе.

— Темнеет уже, — ушла от ответа я, терзая короткие перчатки из мягкой кожи. — Сначала на Семеновскую за Кристиной, потом... наверное, надо Ксанку забрать. Ты знаешь, где дом ее родителей?

— Само собою, сударыня. Все сделаем в лучшем виде. В трактир, может, какой по пути заехать?

Я поморщилась. Меня подташнивало, есть уже не хотелось. Кристину, поди, накормили, да и Ксанка голодной не осталась.

— Домой, и побыстрее, — вздохнула я. — Темнеет, холодает.

— И то верно.

Кристина выскочила из дома тетki румяная, довольная и в новом ярком платке.

— Матушка, тетя Амелия обещала с отцом поговорить про мое замужество. Сказала, что сейчас не те времена, чтобы девушек замуж насильно выдавать!

— Верно, — процедила сквозь зубы я. — Но Илья ее слушать не станет.

— Что-то случилось? Вы что-нибудь узнали?

— Илья Александрович разорен. Твое замужество, по его мнению, спасет тебя от нищеты.

— Но Кичигины очень богаты! Почему они не помогут?

— Потому что твой папенька с мужем Амелии Александровны рассорился еще лет десять назад, — вздохнула я. — И теперь, в своей непомерной гордыне, на поклон точно не пойдет.

— А из-за чего рассорился?

— Откуда мне знать? Я ведь ему не жена, мне про такое не рассказывали.

Наверное, не стоило мне посвящать Кристину в свои семейные проблемы, но ведь ей уже шестнадцать, а не десять! Девочка она умная, все видит и понимает. Что делать, старшая дочь всегда была мне хорошей подругой!

— Тетя Амелия сказала, что оплатит мне учебу в художественном училище.

— Если муж тебе позволит учиться.

Мы обе замолчали. Крестя прижалась ко мне, опустила голову на плечо, сунула тоненькую ручку под локоть. Я повернулась и поцеловала ее в лоб.

— Мы что-нибудь придумаем, — пообещала я. — Только не печалься раньше времени.

— Не буду.

Бричка свернула в какой-то переулок, едва освещенный мерцающим газовым фонарем. На крыльце небольшого кирпичного домика нас уже ждала Ксанка, высокая, крупная, с какими-то узлами в руках.

— Как родители? — вежливо спросила я у шумно сопящей горничной. — Как дочка?

— Маменька совсем сдала, — грустно ответила женщина. — Почти уж не встает. Помрет, наверное, скоро. Хорошо, что папка за ней ходит, заботится. А Иришка совсем большая уж, четырнадцать ей. Еще годик — и работать пойдет. Пока учится в школе, старается, в математике успехи делает. Учителя ее хвалят, предлагают дальше на педагогические курсы идти.

— Работать в школе всяко лучше, чем за прилавком торговать или на фабрике здоровье губить, — согласилась я.

— Знамо дело. Учителям и квартиры дают, и жалованье, и форменное платье. К тому же на курсах можно приличного жениха найти, — кивнула рациональная Ксанка. — Только курсы же платные все... Где столько денег взять? Ну если она экзамены хорошо сдаст, можно на стипендию попробовать... Поживем — увидим.

Я вздохнула. Кто бы мог подумать, что у меня и у горничной будут одни и те же заботы? Может быть, Ксанке даже проще жить. У нее есть жалованье, есть работа, у дочери есть какой-никакой, а выбор жизненного пути. А я... живу на подачки от любовника. И без его согласия не могу даже отправить Крестинку учиться.

И все же я ничего не могу предъявить Аннет. У нее было особого выбора. Даже если бы она могла предположить, что с Ильей все закончится так печально, то иной вариант развития событий был еще хуже. Двенадцать часов за прилавком, каждый день. Один выходной в неделю, десять дней отпуска в год. Никакой личной жизни, никакого карьерного роста. Положим, она нашла бы мужа — точно тем же способом, что познакомилась с Ильей. Декретных отпусков, как я понимаю, в этом мире не предполагается. Хочешь детей — или увольняйся, или ищи кормилицу и няньку. В общем, тлен и безысходность.

Нельзя сказать, чтобы сама Аннет была жертвой обстоятельств. Она любила и была любима. И жила на всем готовом много лет. И дочери получили хорошее образование. Не сказать, что общество ее осуждало. Да, в высших кругах такую как она никто не примет. Так и Илья Александрович — не белая кость, а успешный делец, фабрикант. Подруги у Аннет есть (такие же, как она), крыша над головой имеется, платья красивые, драгоценности, работать не нужно.

Неприличная женщина, любовница, содержанка? И что с того? Многие фабричные работницы с радостью оказались бы на ее месте. Так что скажем спасибо судьбе и будем играть теми картами, которые имеются.

Домой мы приехали за полночь, озябшие и злые. На обратном пути хлынул противный осенний дождь. Дорогу тут же развезло, бричка то и дело проваливалась в грязь. У меня вымокли ботинки и подол платья. Раскладной кожаный верх экипажа не слишком-то защищал от холодного дождя и ураганного ветра. А у Федота и вовсе никакой защиты не было. Поэтому я приказала искать придорожный трактир.

— Доедем, Анна Васильевна, — попытался спорить кучер. — Чай, не сахарные, не растаем!

— Ты у нас теперь единственный мужчина в доме, — фыркнула я. — Нужно тебя беречь. Сворачивай!

Кучер, явно впечатленный, расправил плечи. Мы свернули к большому деревянному дому с высоким крыльцом и красноречивыми пивными бокалами на вывеске. К счастью, народу в зале было немного — погода не располагала к гулянкам. Хозяин предложил травяного чая и густое мясное рагу. Кристинка сморщила нос, для нее эта простая пища показалась слишком грубой. А мы с Федотом и Ксанкой отказываться не стали и поужинали с удовольствием.

Горничная и кучер с “господами” за один стол садиться отказались. Мне это было странно: не такая уж я и госпожа. Благородной крови во мне нет, да и сама я — содержанка. Но Аннет подсказала, что так и должно быть, так принято, и спорить не нужно. Рассказывать всем про то, что люди равны от рождения, я не стала. Не стремлюсь я к лаврам революционеров. Пусть кто-то другой глобально меняет мир, мое дело маленькое — справиться с собственной жизнью. Может быть, любая кухарка и может управлять государством, но я никогда карьеристкой не была.

Когда дождь утих, мы поехали дальше.

Дома я сделала попытку запихнуть Кристинку в горячую ванну, но неожиданно оказалось, что мне не нужно сейчас быть взрослой и ответственной за все и всех женщиной. Бразды правления перехватила Ксанка. Она затащила меня в спальню, помогла снять тяжелую мокрую одежду, принесла тазик с горячей водой и чай с медом.

— Сейчас ноги распарьте — и шерстяные носки, — сурово приказала горничная. — Потом спать.

— А Крис?..

— О ней позаботится Нюрка, на то она и мамка.

— А ты?

— Да что со мной будет-то? Я крепкая и молодая!

“Она на три года младше меня”, — прокомментировала язвительно Аннет.

— Так, все, вон отсюда! — не выдержала я. — Иди... выпей водки! С перцем! И тоже надень носки. Я прекрасно справлюсь сама.

— Точно?

— Ну конечно! Я уже взрослая.

— Я про водку. Точно можно?

— Нужно, — вздохнула я.

Спустя четверть часа я забралась в постель. Еще через несколько минут скрипнула дверь.

— Мамочка, вы вернулись?

— Ну конечно, — сонно пробормотала я.

— Такой ураган был... я боялась, что вас унесет.

— Ну да, как Элли в Волшебную страну.

— Что за Элли?

— Потом расскажу. Иди спать, Стася.

— Можно я с тобой полежу? Тихо-тихо?

— Ладно, ложись.

Дочь залезла ко мне под одеяло. Я вдохнула сладкий запах ее волос и мгновенно провалилась в сон.

Глава 10, не самая трезвая

И проснулась буквально через час от грохота внизу. Прислушалась к голосам, выползла из-под одеяла. Что там происходит? А вдруг грабители? У нас ведь полон дом женщин и один только мужик — Федот. Садовник еще, но он старик. И полицию тут не вызвать, и телефонов нет. Не те времена. Ой, мамочки!

Накинув халат, выглянула за дверь и столкнулась нос к носу с Ксанкой.

— Ой! Вы проснулись? Анна Васильевна, там...

— Что? Нас грабят? Нас арестовывают?

— Господь с вами, там Илья Александрович явился.

— Среди ночи? — удивилась я.

— Он пьян как сапожник.

— А! Ну и черт с ним. Я в его жизни — пустое место. Пусть Федот его спать уложит на диване. Утром решим, что с ним делать.

— Аннушка Васильевна, негоже так с мужчиной, — укоризненно цокнула языком Ксанка. — Тем более с кормильцем.

Тут она была права. Пустое я место или не пустое, а сама себя прокормить сейчас не в состоянии. Да и в доме этом я пока еще хозяйка. Нужно подниматься (хоть и не хочется!) и разруливать эту банальную, в общем-то, ситуацию.

«Ань, это вообще нормально?» — спросила я в голове.

«Бывает», — дипломатично ответила Аннет.

Ну да, и у меня бывало. Мужики — существа странные. Иногда вместо того, чтобы взять себя в руки, они расслабляются и делают глупости. Особенно если рядом нет умной женщины, которая поддержит и успокоит. У Ильи такой женщины теперь нет: я же — пустое место.

Ворча себе под нос, я потуже затянула пояс стеганного, расшитого разноцветной тесьмой халата и сунула ноги в войлочные тапки. Можно было бы еще телогрейку надеть, но я услышала жуткий грохот в гостиной и решила поторопиться. Как бы кормилец себе шею-то не свернул! Вот будет неловко! Дом отойдет его сыну, который меня, скорее всего, яростно недолюбливает (и я не могу его за это судить!). Что сделает юный Георгий Ильич? Знать не знаю. И проверять не хочу.

— Анька — гулящая женщина! — Илья встретил мое появление с пьяным энтузиазмом. — У-у-у, изменщица!

— Рот свой закрой, — спокойно посоветовала ему я. — Разбудишь Стаську — сам будешь с ней объясняться.

Илья нахмурился, сморщил нос и внезапно послушался.

— Чего приперся? — я не собиралась с этим ревнивым болваном быть вежливой. Это уже ничего не изменит.

— Мой дом. Захотел и приперся.

— Фу, от тебя воняет.

Мужчина и вправду выглядел (и пах) неважно: грязное пальто с рваным рукавом, замызганные брюки, ботинки такого вида, будто их полоскали в канаве. Белым шелковым шарфом, очевидно, вытирали лицо и руки. Пил Илья, судя по тяжелому духу изо рта, не вино, а какую-то сивуху. Оттого его и развезло вдребезги.

— Я — грязный снаружи, а ты — гнилая внутри.

На сию высокопарную тираду я даже отвечать не стала. Закатила глаза, кивнула Федоту, нерешительно топтавшемуся в дверях гостиной:

— Не стой столбом, помоги кормильца раздеть. Ксан, стели на диване.

— А может, его в хозяйскую спальню?

— В мою кровать? Там Стаська спит.

— Перенесем. Он ведь хозяин. Разве можно на диване?

Я на мгновение задумалась, а потом мотнула головой:

— Ну нет. Переживет. Я перегаром дышать не собираюсь. Это отвратительно. Федот!

Кучер-сторож-плотник, временно назначенный денщиком, аккуратно подхватил Илью под мышки. Я расстегнула пальто и с помощью Федота и Ксанки стянула его с «кормильца». Илья не сопротивлялся. Только мычал что-то грозное, но невнятное. Его окончательно развезло.

— Интересно, с кем он пил? — озабочилась я. — Кто ж ему этой дряни налил? С вина так не опьянеть.

— Знамо дело, с Крякиным, — ответил Федот, хотя вопрос был, скорее, риторическим. — Алексей Павлович его и привез. Точнее, шофер ихний. Крякин тоже... лыка не вязал.

Никаких Крякиных я не знала. В моем мире у Ильи все друзья были приличными людьми. С неприличными муж меня не знакомил.

Ботинки, штаны и жилет я стащила с мужчины сама. Не Ксанку же допускать до кормильцева тела! Нет, я не ревнивая, но Ксанка до мужиков охочая, а Илья сейчас свободен. А учитывая перспективы, в преданности горничной я была не слишком уверена. К тому же я всегда подозревала, что деловитая Ксанка к Илье (а особенно к его кошельку) несколько неравнодушна.

Горничная постелила на диван свежие простыни, принесла подушку и пуховое одеяло.

— Федот, — я нерешительно покосилась на слугу. — Переночуешь тут, рядом? Вдруг Илья Александрович ночью блевать изволит? Обычно он смирный... но я его настолько пьяным вижу впервые. Кстати, где его... этот... камердинер?

— Я его р-р-рассчитал, — вдруг всхрипнул Илья. — В целях экономии!

Хм, а не притворяется ли наш благоверный?

— Ксан, тазик, мокрые полотенца, графин с кипяченой водой. И Федоту подушку с одеялом.

На завтрак я в кои-то веки спустилась вовремя и в полной боевой готовности. Аннет заставила меня надеть черное платье с кружевным воротником. Узкое, неудобное и слишком официальное для дома.

“Он не оценит”, — напомнила я.

“Молчи, это другой Илья. Не твой. Этот — оценит”.

Пришлось поверить ей на слово. Потратив кучу времени на укладку волос (этого я делать никогда не умела, а коварная Аннет даже не пыталась помочь), я, наконец, решила, что выгляжу приемлемо. Укрыв одеялом Стаську, я отправилась в очередной бой.

Илья, всегда просыпавшийся на рассвете, нашелся там, где я его и оставила — в гостиной. Кухарка споро накрывала на стол. Ни Федота, ни Ксанки не было видно.

— Анна? — Для человека после буйной попойки Илья выглядел слишком бодро. Глаза только мутноваты, а так — никакого похмелья. Жаль. Я бы предпочла, чтобы он страдал. — Я вчера вел себя недопустимо. Простите.

— На заводе или здесь, ночью? — не упустила возможности съязвить я.

— И там, и там. Приношу свои глубочайшие извинения.

— Извинения в кошельке не звенят, — фыркнула я. — Даже на хлеб их не намазать, знаете ли.

— Вам нужны деньги? Я оплачу счет за белье.

— Это была шутка, — вздохнула я. — Как вы себя чувствуете?

— Нормально. Учитывая обстоятельства. Я вчера наговорил лишнего, да?

— Вы были весьма сдержанны, — успокоила его я. — Одного не пойму — зачем вы вообще явились сюда? У вас свой дом есть.

— Не знаю. Кажется, не хотел, чтобы сын видел меня пьяным. Стыдно.

— А перед дочерьми не стыдно?

Он страдальчески поморщился и ничего не ответил.

Я налила себе горячего чаю с лимоном и мятой. Помешала кашу в тарелке. Отщипнула кусочек теплой булочки. Аппетита не было. Присутствие Ильи меня напрягало.

— Почему вы в черном? — неожиданно спросил он.

— Ношу траур по беспечно прожитым годам, — огрызнулась я.

— А... справедливо. Где девочки?

— Стася еще спит, а Кристина на вас смертельно обижена. Не ждите, что она выйдет из спальни.

— У нее нет выбора. Ни у кого из нас нет выбора.

— Есть, — вдруг сказала я, сама себе удивляясь. — Вы можете жениться сами. На богатой наследнице. Никто не знает про ваши финансовые сложности. К тому же царь вам благоволит. Разве ваш автомобильный завод не получил золотую медаль на Московской выставке? И грант, вам ведь полагается грант?

Про медаль мне очень кстати подсказала Аннет.

— Уже истрачен. Я купил небольшой металлургический завод на Урале. Это была моя самая большая ошибка. Завод убыточен. Последняя партия автомобилей снята с производства из-за бракованного двигателя. Пожар в цехе... Рабочие бастуют...

— Зачем вы все это мне рассказываете? — неприязненно спросила я. — Я ведь в вашей жизни — пустое место.

— Я ведь извинился, Анна.

— А я вас не простила.

Мы замолчали. Илья налил себе чаю. К еде он не притронулся.

— Мне нужны деньги, — наконец сообщил он. — Тысяч двести. Лучше триста.

— Возьмите ссуду.

— Столько не дают.

— Попросите в долг у Кичигина.

— Я уже спрашивал. У него сейчас нет. Он дом в Москве недавно купил. В самом центре.

— Что же Михаил, ваш брат?

— Он сейчас путешествует по Индии и до лета в Московею не вернется. Я отправил ему письмо, но пока оно еще дойдет...

— Тогда ищите богатую жену. Вдову или купеческую дочь. Я полагаю, что это — наилучший выход.

— Не ожидал получить такой совет от вас, Анна Васильевна.

— Почему? Я вам не жена и никогда ею не стану. Я даже не любовница. И вообще, как это вы вчера изволили напомнить... гулящая женщина и изменница.

— Вы — мать моих детей.

— И что с того? Я все равно не имею на вас никаких прав. К тому же мне невыгодно ваше разорение. Ведь тогда мне не на что будет жить.

Илья крепко задумался. Очевидно, ему и в голову не приходило подобное решение проблемы. А зря. Взрослому солидному мужчине, владельцу нескольких заводов, известному фабриканту, куда проще найти подходящую партию, чем немолодой уже женщине сомнительной репутации с двумя детьми. Уверена, невесты будут за него драться. Тем более что я мешать не стану.

— Знаете, Анна, это все дурно пахнет, — наконец пробормотал Илья. — Это... подло.

— По отношению к кому? — хладнокровно уточнила я.

— К вам? — нахмурился он. — К девочкам?

— Нет. Я — пустое место. А дочери привыкли. Они прекрасно понимают свое положение. В любом случае вы же их не бросите?

— Разумеется, нет!

— Ну вот. Все в плюсе. Вы закроете долги. Ваша жена заполучит солидного мужа, уже нагулявшегося. Девочки получают образование и приданое.

— А вы?

— Что я? Когда девочки выйдут замуж, я перееду к кому-нибудь из них, а этот дом можно будет продать. Или поселить здесь любовницу помоложе.

— Зря вы так, Анна, — грустно ответил Илья. — Я ведь вас...

— Все в прошлом! — перебила его я. — Так бывает. Любовь не вечна. Сейчас нет смысла предаваться бессмысленным воспоминаниям!

— Да, вы правы. И план ваш хорош. Поможете мне найти жену?

— Я?

— Да, вы. У вас много подруг. Мне нужна супруга богатая, но не знатная. Дочь торговца или даже ростовщика. Хромая, косая, кривая — без разницы. Вдову не хочу, гулящую тоже. Пусть лучше уродливая, но целомудренная и кроткая.

— Я не хочу искать вам жену! — возмутилась я.

— А придется, Анна, — Илья наклонился ко мне и ухмыльнулся прямо в лицо. — Это в ваших же интересах! Хотите, чтобы Кристина училась в художественном училище? Хотите и дальше иметь дом и прислугу? Тогда помогите мне.

— Какой вы неприятный человек, Илья Александрович, — с досадой пробормотала я. — И очень неприличный!

Глава 11, гадская

Наверное, мне стоило умиляться. Во всяком случае, Ксанка одобрительно улыбалась, Стаська щебетала как птичка и даже недоверчивая Кристина, кажется, оттаяла и осторожно рассказывала отцу про любимую художницу.

У нас состоялся “семейный” обед. Тихий, спокойный, даже дружелюбный. Илья вел себя идеально: шутил, отпускал комплименты “своим девочкам”, хвалил стряпню кухарки и многозначительно поглядывал на меня.

У меня же кусок в горло не лез. Теперь я понимала, почему Аннет такая худая. Я про себя называла своего любовника “абыюзером”, и плевать, что в Московее пока не было такого слова. Зато были слова “подлец”, “гад”, “сволочь” и прочие вполне подходящие Илье эпитеты.

“Какое счастье, что ты тут, — вдруг заявила мне Аннет очень радостно. — В кои-то веки мне не нужно ничего решать. Не имеет смысла паниковать — все равно я ничего не могу сделать. Как, оказывается, приятно переложить все проблемы на чужую голову. Особенно если эта голова как бы твоя, но не совсем.”

Я с ней мысленно согласилась. Я терпеть не могла сложные моральные дилеммы. Это все потому, что по гороскопу я — Весы. В то, что далекие звезды могут как-то влиять на наши судьбы, я, конечно, не верила, но оправдываться “ах, я просто Весы” было невероятно удобно. Типичные Весы не любят выбирать, им трудно принимать решения, они показательно страдают при выборе платьев или обуви, что уж говорить о той ситуации, в которой я (точнее, Аннет) оказалась.

Нет, теперь уже я. Это я тут натворила дел. Это из-за моего внезапного визита Илья напился. Это я начала разговор про богатую невесту. Мне и вытаскивать своих дочерей из потенциальной нищеты, да еще так, чтобы и рыбку съесть, и косточкой не подавиться. Потому как отдавать Илью Александровича какой-то юной профурсетке ни я, ни Аннет не желали. Такая корова нужна самому. Но если выбирать между раем в шалаше, который, скорее всего, раем и не будет, и потенциальной свободой и достатком, мы все выберем деньги. Вот такие мы, женщины, меркантильные мерзавки.

— Вы так нежно на меня смотрите, Анна Васильевна, — неожиданно заметил Илья. — Хотите что-то спросить? Быть может, рассказать?

Нет зверя страшнее, чем разлюбивший мужчина. И нет змеи более ядовитой, чем брошенная женщина. Ласково усмехнувшись, я пропела:

— Просто я вспомнила анекдот про “альтернативу”, Илья Александрович. Очень забавный анекдот, право слово!

— Приличный?

— Более чем.

— Расскажите, матушка, — обрадовалась Кристина. — Я очень люблю забавные истории!

— Извольте. Разговаривают отец и сын: батюшка, что такое “альтернатива”?

Илья прикусил губу. Вряд ли он знал этот анекдот, но мужчина он был умный и все отлично понял. И на фразе “а альтернатива, сынок, это утки” даже не улыбнулся. А Стася с Кристиной посмеялись, даже не подозревая, какую свинью им собирался подложить родной отец!

После обеда, когда дочери покинули столовую, мужчина удержал меня. Подхватил под локоть, подвел к окну.

— Я вижу, Анна, вы в добром расположении духа?

— Более чем, Илья Александрович.

— Что же, у вас есть *альтернатива*. Скоро вы от меня избавитесь.

— Подите к черту, Илья, — обиделась я. — Это вы выкинули нас из своей жизни. У меня, смею напомнить, и выбора-то не было.

— Выбор есть всегда, Анна. Просто не всегда он нам по душе.

— Вы говорите так, потому что вы — мужчина, — ответила я с горечью. — Это у вас есть выбор. А женщины вынуждены терпеть и подчиняться.

— Не слишком-то вы терпеливы и покорны.

— Так и вы не самый благородный покровитель, — мгновенно разозлилась я. — То и дело грозитесь отнять у меня детей или выставить нас из дома!

— Вы же знаете, что я люблю Кристину и Станиславу больше жизни и никогда не сделаю им больно.

— Зато вы больше не любите меня. И с удовольствием делаете больно мне!

— Вы очень изменились, Анна. И тоже больше меня не любите. А если судить по вашим перепискам — то и не любили вовсе. Вам нынче милее смазливые актеры.

В груди сделалось холодно и пусто. Сдались ему эти актеры? Почему он не понимает, что фантазии — это одно, а реальная жизнь — совсем другое? Аннет никогда ему не изменяла. Она была Илье доброй подругой и верной спутницей. Если бы он не влез в чужие письма, то, вероятно, сделал бы ей предложение.

Аннет страдала, я это чувствовала. Меня же затрясло от злости. Хотелось накричать на этого болвана, затопать ногами, возможно, расплакаться. Будь здесь “мой” Илья — не стала бы и сдерживаться. Но теперь я нашла в себе силы успокоиться.

— А не пойти ли вам, Илья Александрович... в банк? — холодно предложила ему. — Ваши обвинения звучат смешно и жалко. Да и не обвинения это вовсе, а оправдания вашей несостоятельности. К тому же я слышу их не в первый раз. Приберегите свой тыл... в смысле, пыл... для кредиторов! А меня оставьте в покое. Тем более что я в вашей жизни — пустое место.

Он молча на меня уставился. Сдернул очки, принялся их протирать, явно обдумывая ядовитый ответ. Не стала ждать, нанесла последний удар:

— Не волнуйтесь, я сегодня же напишу Женни. Она знает всех свободных женщин в Вереysке. Холостяков, впрочем, тоже. В конце концов, у нее лучшая цветочная лавка в городе.

И, оставив за собою поле боя, я спешно удалилась в спальню, где упала на постель, уставилась в потолок и пообещала: никаких больше мужчин. От них одни неприятности.

Что такое — пять лет в жизни женщины? А пять спокойных, мирных лет без нервов и страданий? В своем мире у меня часто случались “печальные” периоды, когда я забиралась под одеяло, много спала, читала сентиментальные романы и питалась исключительно доставками. Илья не понимал, он всегда был в движении, в процессе, ставил какие-то цели, добивался их. Приходил с работы голодным и веселым, ругался, что нет не только ужина, но и чистых тарелок на полке. Потом, после развода, уже никто не ругался, а дочери относились с пониманием. Сами и готовили, и прибирались, а я через 3-4 дня восставала из постели аки феникс, мыла голову и начинала очередной творческий проект. Да, я прекрасно понимала, что это нездорово. Что, наверное, мне нужно к психологу, а то и к психиатру. Но на врачей у меня ресурса уже не хватало. Достаточно и того, что я начала делать зарядку по утрам...

Так вот, у Аннет подобной проблемы не было. Я могла бы добавить — пока не было. Но... во-первых, она моложе. Во-вторых, в ее жизни не было работы на заводе. В-третьих, она никогда не оставалась с жестоким миром один на один. Всегда за спиной Ильи, на полном его обеспечении. С кухаркой, горничной и няньками. Она никогда не вела хозяйство с младенцем на руках.

Не поймите меня неправильно, я не жалею о своей жизни. Да и особого выбора у меня не было: все женщины вокруг работали, все рожали детей, все готовили, стирали, мыли посуду

и подметали. Но давайте честно, такая вот жизнь, особенно в сочетании с вечным отсутствием денег, знатно истощает даже самую крепкую нервную систему. И это мне еще повезло: муж не пил, не буянил, построил неплохую карьеру. Мы не так уж и долго снимали квартиру, сначала взяв ипотеку, а потом и вовсе построив дом. Могло бы быть гораздо, гораздо хуже!

А могло быть и лучше — вот как у Аннет. И сейчас я оценила все преимущества здорового тела и нормальной психики. Там, где Анна слегла бы на пару дней под одеяло, Аннет немного повалялась — и подскочила. Никаких страданий, никакого саможаления: только радостная энергичность.

Ну его в баню, этого сатрапа, я подумаю об этом завтра! Сейчас же полно других забот.

“Это каких же?” — вяло любопытствовала я.

“Стася! — радостно напомнила Аннет. — Ее нельзя оставлять без присмотра!”

Тут она была права. Если в реальной жизни моя младшая зайка была загружена по уши (школа, продленка, английский, бассейн, теннис), то здесь у Стаськи всего и развлечений, что гулять по саду да изводить приходящего учителя естественных наук, который, впрочем, считал, что моя дочь весьма и весьма талантлива.

Пришлось мне внять голосу разума и подняться с постели. Взглянув на себя в зеркало, поправив волосы и разгладив кружево на домашнем платье, я покинула убежище, искренне надеясь, что Илья Александрович уже уехал.

Увы, сюрпризы продолжались, и их нельзя было назвать приятными.

— Анна Васильевна, а я вас ждал, — объявил худой усатый мужчина в форменном сюртуке. Он нервно теребил пенсне на цепочке, и я сразу поняла, что мне не понравится наш разговор.

— Снова Стася сорвала урок? — тоскливо спросила я.

— О нет, нет, в этом году Станислава Ильинишна стала гораздо усидчивее. Замечательный ребенок, впитывает знания как губка. Смею заметить, что с Кристиной Ильинишной было даже сложнее, да оно и понятно, она натура творческая, возвышенная, геометрия ей совершенно неинтересна.

Тут он ошибался. Криска, хоть и витает в облаках, но соображает отменно. Просто усваивает ту же математику чуть медленнее, чем младшая сестра.

— Тогда о чем же вы желаете побеседовать... Петр Модестович? — не без подсказки Аннет вспомнила я имя учителя.

— Я... Илья Александрович считает, что девочкам не так уж и нужны уроки естественных наук, — вздохнул учитель. — Им достаточно рукоделия и прочего, прочего.

— Он сказал, что более не будет оплачивать ваши услуги? — похолодела я.

— Не совсем так. Мне удалось его убедить, что барышня весьма талантлива. Вы ведь знаете, наш император в прошлом году открыл двери училищ и университетов и для девушек тоже. Я считаю, что Станислава без особых усилий справится с вступительными экзаменами в любое учебное заведение. Разумеется, если будет готовиться. Но, как я понял, сейчас у Ильи Александровича временные трудности с деньгами?

— Да, — вынуждена была признать я. — Уверена, это ненадолго.

— Я тоже так считаю. Поэтому от уроков отказываться нельзя! Грех это, Анна Васильевна, не развивать столь цепкий и острый ум, как у вашей дочери. Я, знаете ли, даю уроки еще у Семеновых и Ворониных, так вот, их мальчики прилично глупее и ленивее, чем Станислава Ильинишна.

Я подавленно молчала. Наверное, он льстит. Не хочет терять работу, да еще осенью. Где он найдет сейчас учеников? Но в одном он прав: бросать учебу нельзя. Во-первых, Стася очень быстро забудет всю науку, а во-вторых, она же сойдет с ума от безделья!

— Вместо четырех дней в неделю я буду приезжать к вам один раз, по субботам, — наконец сообщил Петр Модестович с явным сожалением. — И все же это лучше, чем ничего.

— Лучше, — эхом отозвалась я. — Но этого так мало!

— Если желаете, я дам вам скромный совет.

— Желаю.

— Рассчитайте вашу няньку. От нее толку уже нет. Она не справляется с живым характером Станиславы Ильинишны. Ей бы младенцев нянчить, а не бегать по саду за энергичной девочкой. Займитесь воспитанием дочери самостоятельно. А еще лучше — наймите опытную гувернантку. У меня есть одна знакомая женщина, вдова, у нее сейчас крайне стесненные обстоятельства. Раньше она работала учителем младших классов в Верейске, но теперь ее уволили, ей нечем даже платить за квартиру. Уверен, если вы предложите ей крышу над головой и столование, думаю, она не запросит больше, чем ваша бесполезная нянька.

— Это неплохой вариант, — согласилась я.

Увольнять няньку мне не хотелось, я к ней привыкла. Да и некрасиво это, человека в никуда выгонять. Но Петр Модестович прав: толку от нее давно уж нет.

— А за что, вы говорите, уволили вашу знакомую?

— Она... человек прямолинейный и жесткий, — замялся учитель. — Но поверьте, Станиславе нужна твердая рука! Ангелина Францевна сумеет нашу горячую лошадку и стреножить, и запрячь. Я оставлю вам адрес... не поленитесь, съездите в Верейск, познакомьтесь. Что же, до следующей субботы, Анна Васильевна!

Я смяла в руках листок с адресом “жесткой и прямолинейной”. Да, Стаське не помешает немного строгости. Или много. И я точно знаю, что грамотный педагог найдет к ней подход. Особенно за деньги.

Как хорошо, что этот мир до безумия похож на мой! Останься я тут в одиночестве и без подсказок, я бы растерялась и опустила руки. Но теперь у меня вновь появилась надежда.

Конечно, все будет хорошо! Трудности, они временные. И Илья, и я, и девочки мои — мы сильные, мы справимся!

Глава 12, успокоительная

Я мучилась угрызениями совести ровно до вечера: а перед ужином Станислава заявила домой мокрой насквозь. Свалилась в пруд. Утонуть не утонула, даже воды не нахлебалась, там глубина, наверное, ей по пояс. Но платье (шерстяное, светло-серое с прелестной вышивкой на корсаже и манжетах) было все в тине, один ботинок утонул, пальто тоже изрядно пострадало. И черт бы с ней, с одеждой (хотя новые вещи мы себе теперь позволить не можем), так ведь на улице далеко не лето! Градусов шестнадцать по Цельсию!

Нянька не уследила. На минуточку только отвлеклась... И это у нее сотового телефона нет!

Каюсь, на няньку, розовощекую рослую Татьяну, я злобно нарычала. Куда смотрела, дура? Не так уж много у нее забот — готовить не нужно, стирать, полы мыть от нее не требуется. Только следить, чтобы Стаська раздетой на улицу не выбегала, по деревьям не лазала да в пруд не прыгала.

— Ванну горячую, живо! Стаська, а ну раздевайся!

— Да мне не холодно вовсе, мамочка!

— Я не спрашиваю, холодно тебе или нет. Снимай мокрую одежду. Ксана, чистую простыню и чаю с медом и лимоном! Слава Богу, Илья уехал уже... Он бы тут зверствовал.

Татьяна тихо ахнула и закрыла лицо руками.

— Да уж, Илья Александрович Таньку бы такими словесами покрыл, — злорадно усмехнулась Ксанка. — Мало бы не показалось. Он свою доченьку больше жизни любит!

Я тоскливо вздохнула и напонила:

— Ванну. И чай.

— Уже бегу, — засуетилась Ксанка. И рявкнула на дрожащую няньку: — Чего встала, убогая? Раздевай барышню! Видишь же, она вся дрожит!

Здесь, в поместье, принимать ванну каждый день не выходило. В городе уже повсеместно проведен водопровод, даже в бедных кварталах проложены трубы с холодной водой. А в гостиницах и домах побогаче и вовсе в подвалах и цоколях установлены нагревательные баки. У нас же вода имелаась только в колодце. Федот и Ксанка таскали ее ведрами, наливали в большую медную ванну, а потом под ванной растапливалась специальная печь. Этакий котел на ножках — можно кинуть в воду морковку и сельдерей да наварить супу. Стучавшую зубами Стаську запахнули в этот котел и сунули ей в руки железную чашку с целебным напитком.

— Может, ей еще горячего вина дать? — озабоченно спросила Ксанка.

— Алкоголь — ребенку? Рехнулась?

— Так разбавленного же. С перцем.

— Ромашки лучше завари. Липы. Чего у нас еще из травок есть?

— Мать-и-мачеха.

— Вот, и ее тоже. И горчицы в носки.

— И грелку в постель, — деловито закивала Ксанка. — Сделаю, АнВасильна.

Стаська, глядя на меня, тихо захихикала. Я только вздохнула:

— Горе ты мое, зачем в пруд полезла?

— Лягушек хотела поймать.

— А зачем тебе лягушки?

— Криске в постель подложить. Вот она бы орала!

— Стася, так делать нельзя.

— А бабушка рассказывала, что папа так тетю Амелию в детстве пугал.

Я только скрипнула зубами. И когда только мать Ильи успела такое рассказать ребенку? Нашла, чем хвастаться! Неужели других тем не было? Ведь можно было вспомнить, что Илья

всегда любил учиться, что с детства не боялся никакой работы, было дело, даже в пастухи нанимался, чтобы заработать денег. Так нет же, раз за разом я слышала о том, как ее сын сбегал с уроков по весне (а кто из детей жаждет учиться, когда за окном все цветет и оживает?), как пакостил сестре, как заблудился в лесу...

Нет, мою бывшую свекровь я узнаю в любом мире!

— Стасенька, я запрещаю тебе обижать Кристину, — сказала я твердо. — На первый раз прощаю — тем более ты сама себя наказала. А в следующий раз возьму розгу. И запрю тебя в детской на неделю.

— А Криска мне в постель червяка положила! — тут же принялась ябедничать дочь. — А еще у нее в книжке, розовой такой, с золотыми буквами, хранятся чьи-то письма, но я не знаю, чьи, потому что книжку она прячет в шкатулке, а шкатулка заперта. Я пыталась открыть ножиком, но Татьяна увидела и нож отобрала у меня.

Еще и нож! И снова — нянька не уследила! В самом деле, пора с ней расставаться.

— АннВасильна, там Танька ревет, — сунула нос в мыльню Ксанка. — Говорит, что ее выгонят из дома теперь.

— И выгоню! — фыркнула я. — Пусть новую работу ищет.

— Ура! — пискнула Стаська. — Пусть уезжает! Она злая. Кукол моих отбирает, рисунки ревет, а еще щиплется и говорит, что я — глупая ябеда.

— А я Стасеньке вина принесла, — пробормотала Ксанка, вздыхая. — С перцем и травами.

— Нельзя детям алкоголь, — буркнула я, отбирая у горничной большой стеклянный кубок. — А мне можно. Ух!

Я не люблю красное вино. Я и белое не очень уважаю, разве что шампанского глоток могу себе позволить под Новый год, но теперь нервы у меня не выдержали. Я отхлебнула горячую багровую жидкость, поморщилась — фу, какая кислятина! — и сделала еще глоток. Вроде бы даже полегчало. Во всяком случае, я мигом согрелась, трести меня перестало.

— Ну все, Стаська, вылезай из ванны и в постель. Ксан, а платье спасти удастся?

— А то ж. Пруд ведь всего-навсего, не яма с навозом. Прополощу да почищу, будет как новенькое. Ботинок только жалко, разве ж его теперь найдешь? В чем теперь барышня бегать будет?

— Так от Кристинки какая-то обувь, должно быть, осталась?

— Только негодная если. Хорошую-то вы велели моей Ульянке отвезти.

— Что, дырявая?

— Да нет, почти что целая. Дюже страшненькая только, поцарапанная да уже и не модная.

— На новую у нас денег нет, — пожалала я плечами. — Будет Станислава в старых ботинках пока ходить.

Глаза дочки немедленно наполнились слезами. Я хорошо знала, какая она у меня модница. Если Кристинка просила дарить ей на именины краски, кисти да фарфоровых кукол, то Стаська требовала колечки, сережки и нарядные платья. В другое время я бы, конечно, сорвалась в город за новыми ботинками. Скорее всего, я через пару дней так и сделаю. Денег нет? Не беда, возьму из отложенных или продам какое-нибудь из своих старых украшений. Но пока пусть Стаська немного пострадает, ей полезно. В следующий раз в пруд не полезет. Может быть.

— Ксан, а еще вино есть?

А ботинок, кстати, Федот нашел. Ксанка его выполоскала, натолкала внутрь старых газет да повесила в кухне сушиться. Пообещала, что будет как новенький.

Мебель от Донкан-Кичигиной привезли через три дня, вместе с ней приехали и кое-какие инструменты. Я немедленно выкинула из головы все ненужные переживания и, надев самое ветхое из зимних платьев, а поверх — старый Ксанкин передник, тут же расставила стулья на

заднем дворе. На улице было уже не лето, но дожди еще не начались, днем на солнышке не так уж и холодно, и я, с помощью ломика, киянки и такой-то матери, быстренько разобрала на составляющие все четыре стула. Буфет все же не рискнула — велела поставить в сарай. Его до непогоды точно не успею обработать. А стулья — это же быстро и увлекательно!

Деревянные части стульев некогда были покрашены в красивый сливочный цвет, но покрытие уже потеряло свой лоск, изрядно потерлось и поцарапалось. Рассохся клей, стулья все до единого шатались. Ткань сидений даже очищать не было смысла, только под перетяжку.

— Нынче в моде голубые и алые тона, — сообщила Кристина, которая с любопытством наблюдала, как я пытаюсь очистить слой краски с помощью цикли. — У тети Амелии новая гостиная, там вся мебель красного дерева, а портьеры — голубой бархат.

— Какое мещанство.

— Ну нет, у нее все со вкусом! Жаль, что вы не видели. И мои акварели висят в гостиной, это так приятно!

— Ну-ну. Крис, у тебя растворитель есть? Для красок?

— Керосин. Или бензин. В гараже имеется.

— Э-э-э... — я почесала нос и задумалась.

Растворяет ли керосин краску? В моем мире химическая промышленность куда более развита. У меня были специальные растворители, кислотные. Тут такого, конечно, не найти. Как не найти и шлифовальных машинок. Ничего, я и наждачкой справлюсь. Ручная работа — она успокаивает нервы. Хотя у Аннет нервная система куда прочнее, чем была у меня раньше. Это потому, что она на заводе не работала и телевизор не смотрела. Еще экология, конечно: свежий воздух, крепкий сон, только натуральная пища. И, разумеется, наличие прислуги. Когда не нужно каждый день готовить, стирать и мыть полы, жить все же веселее.

— Я скажу Федоту, чтобы принес керосин, — решила я. — Как думаешь, оставить в цвете дерева или покрасить?

— В красный.

— Ясно, оставляю в дереве. Интересно, морилку уже изобрели?

— Что?

— Забудь. Скажи лучше кухарке, чтобы подала горячий чай. Руки замерзли уже.

— Принести вам какие-нибудь старые перчатки?

— Будь так любезна. Сейчас я закончу с этой ножкой и на сегодня все.

Тоскливым взглядом я окинула грудку деревянных деталей. Без нормального растворителя и шлифмашинки это все затянется до самой зимы! Как обидно! И это я еще перетяжкой не занялась, потому что за подходящей тканью нужно в Верейск ехать!

— Анна Васильевна! — во дворе появилась Ксанка. Уперла руки в крутые бока, покачала головой неодобрительно. — Стыдобища!

— А?

— Сама, как какая-то фабричная, в пыли и грязи деревяшки ворочаете!

— А мне нравится.

— Что на это Илья Александрович скажет?

— Его это не касается. Мы с ним теперь чужие люди.

— На ручки свои посмотрите! — не сдавалась горничная. — Мозоли же будут! Ногти грязные!

— И что?

— Неприлично!

— Мне пофиг... то есть, какое кому дело? Я в гости ни к кому не собираюсь, мои ногти разглядывать некому.

— Перчатки наденьте и платок на шею! Простынете ведь!

— Ладно, — сдалась я. — Платок надену. Ксан, а у нас краска для ткани есть какая-то?

— Крапп, чернильный орех, индиго...

— Крапп — это какой цвет? — заинтересовалась я.

— Так красный же.

— Чистый красный или ближе к винному?

— Странные вопросы вы задаете, Анна Васильевна. Темно-красный.

— Отлично! — Я схватила одну из ножек, над которыми издевалась все утро, и угрожающе ею взмахнула. — Говорят, нынче красное дерево в моде. Вот сейчас мы из этого белого дерева сделаем красное!

— Так это же обман!

— А кому какое дело? Я же в магазин эти стулья не потащу. Себе в спальню поставлю.

— А можно и мне? — вдруг попросила Ксанка. — У меня в комнате стул совсем ветхий, на него даже сесть страшно. А коли красного дерева, да еще в голубом бархате... Будет как в лучших домах Москвы.

— Посмотрим, — кивнула я. — Сейчас еще разок мелкой наждачкой пройду и попробуем покрасить.

— Чудная вы женщина, Анна Васильевна, — вздохнула Ксанка. — Иные вышивкой да акварелями увлекаются, а вы зачем-то столярное дело решили осваивать. Это так...

— Неприлично? — засмеялась я.

— Вот именно. Что люди скажут?

— Чужие не узнают, свои промолчат.

— И то верно. А ну покажите, как вы краску счищаете? Зачем же сами-то, пусть Федот займется. Все равно дрыхнет весь день.

— Испортит же.

— Ну тонкую работу ему поручать нельзя, а просто краску сошкрябать — любой дурак сможет.

— Посмотрим, — кивнула я. — Много у тебя этого краппа?

— На деревяшки ваши хватит.

Мы с горничной расположились в комнате для стирки. На большой стол постелили старые простыни, поверх них водрузили ножку от стула. Ксанка в ковшичке вскипятила воду, бросила туда бурого порошка. Воняло, конечно, зверски, но цвет внезапно вышел отличный. Мы макали в ковшик тканевые тампоны и втирали краситель в древесину. Ножка стыдливо покраснела, но фактуру дерева сохранила.

— Лаком покрыть — и ни одна вша не отличит от красного дерева, — с удовлетворением констатировала горничная.

— Нужно чуть темнее, — не согласилась я.

— А вот высохнет — и увидим. Зуб даю, один в один будет. Лаком покрыть — и из этого старья получится чудо-мебель! Продадим задорого.

— Стой, мы же хотели в спальню поставить?

— А это смотря как получится.

Ксанка всегда была прагматична. И торговать умела куда лучше меня. Нет, продавать первые изделия не стоит. Да и вообще, наверное, не стоит. Во-первых, я понятия не имела, как это делать, а во-вторых, я местных порядков не знаю. Как бы меня за подделку мебели не арестовали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.